

18+

АСУР

Егор Небо

Егор Небо Асур

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57394037
ISBN 9785005132291*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В 1939 году при применении наркотика правды к подследственному Льву Бауму, тот вдруг начинает утверждать, что он – асур, существо с планеты Сумер. Этот случай представляется интересным следователю Дмитрию Солохину, но после применения наркотика Лев Баум погибает, а листы последнего допроса Баума исчезают. Следователь Солохин тайно начинает собирать архив, в котором вскоре появляются схожие уголовные дела. А в 2020 году при применении следствием наркотика правды, заявляет о себе очередной асур... Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

Содержание

Пролог	5
1	8
2	13
3	15
4	22
5	28
6	31
7	32
8	37
9	41
10	42
11	53
12	56
13	62
14	66
15	69
16	74
17	78
18	86
19	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Асур

Егор Небо

Консультанты:

А.С. Кузьмин, доктор физико-математических наук;

А.П. Баранов, доктор физико-математических наук.

Корректор Анна Кычакова

Дизайнер обложки Савва Мысов

Консультант доктор физико-математических наук

Алексей Сергеевич Кузьмин

Консультант доктор физико-математических наук

Александр Павлович Баранов

© Егор Небо, 2020

© Савва Мысов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-3229-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПО ДЕЛУ

№1—54/17 (выдержки)

21 февраля 2017 года

Суд сур планеты Земля.

Дело слушали суры: Рибху, Ушаса, Варуна.

Обвиняемые асуры: Савитара, Сарасвати (заочно), Дакша.

Секретарь: Милекян Н. В.

(...)

– Вызывается обвиняемый асур Савитара.

(.....)

– Асур Савитара, вам известен способ, при помощи которого асуры могут опознавать друг друга на Земле?

– Нет, не известен.

– Как тогда объяснить ваше знакомство с асуром Дакшей и асуром Сарасвати?

– Они нашли меня сами.

– Вам было известно, что любые союзы асуров на Земле преследуется законом Сумера?

– Мне было это известно.

– И вы сознательно пошли на нарушение режима пребы-

вания в заключении?

– Да.

– Для чего существовал ваш союз с этими асурами?

– У нас было общее увлечение.

– Какое?

– *(Савитара некоторое время думает.)* Мы увлекались резьбой по дереву.

(Небольшое совещание между сурами.)

– То есть вы отказываетесь сотрудничать с судом?

– Да, отказываюсь.

(...)

– Вызывается асур Дакша.

(...)

– Асур Дакша, вам известен способ, при помощи которого асуры могут опознавать друг друга на Земле?

– Известен.

– Расскажите, пожалуйста, об этом способе.

– Вот так вот запросто взять и рассказать?

– Ну да.

– Придумайте что-то пореалистичнее.

(Небольшое совещание между сурами.)

– То есть вы отказываетесь сотрудничать с судом?

– Да, я отказываюсь.

(...)

...а также, учитывая статус асура Савитара на Сумере и особую опасность, которую он может представлять для

планеты Земля, суд постановил:

– асур Савитара – пожизненное заключение. Место пребывания: Французская Республика;

– асур Дакша – 4 года заключения. Место пребывания: Черногория;

– асур Сарасвати (заочно) – 6 лет заключения. Место пребывания: не определено.

Секретарь Милеян Н. В.

1

Утром 9 февраля 2021 года в аэропорту Домодедово приземлился самолет. В этом самолете прибыл в Москву человек в невзрачном, мышинового цвета пальто и такого же цвета шляпе, в руках у этого человека был чемодан.

Впрочем, нет.

Никакого чемодана в руках у человека в пальто не было. Более того, у этого человека не оказалось даже и никакого другого багажа.

И человек этот, в шляпе, по прибытию в аэропорт прошел через терминал, отпустил какую-то шутку сотруднице таможни, от чего та засмеялась неожиданным для женщины басом, затем обратился в окошко оператора мобильной связи, после того, как уладил дела там, спрятал паспорт во внутренний карман своего невзрачного пальто и с деловитостью, которая больше подходила бы человеку с, по крайней уж мере, чемоданом, пошел на выход из аэропорта.

Звали приземлившегося человека Семен Васильевич Кляйн. Прибыл Семен Васильевич из города Парижа и направлялся теперь не к себе домой – потому что никакого дома у Семена Васильевича по ряду печальных обстоятельств теперь не было – а напрямик в ресторанное заведение «Колбаса», которое еще недавно принадлежало самому Кляйну, а теперь, наоборот – не принадлежало. В заведении этом Се-

мен должен был через полтора часа встретиться с Павлом Севастьяновым, которого двадцать с лишним лет знал под кличкой Сеов.

Семен вышел на улицу, сместил на затылок свою серую шляпу жестом, который больше подходил детективам из американских фильмов семидесятых годов, достал сигарету и закурил.

У Кляйна тренькнул эсэмэской телефон. Семен посмотрел на экран – местный оператор расшаркивался в приветствиях. Не читая, Кляйн отправил пришедшие СМС в корзину.

– Такси, едем на такси, – к Семену приблизился сытый толстяк в болоньевой куртке и вязаной шапочке. Толстяк смотрел прямо на Кляйна, и во взгляде толстяка читалось усталое превосходство человека, который знает про любого своего потенциального пассажира почти все. В правой руке таксиста были ключи от машины, которыми он нетерпеливо позвякивал из стороны в сторону.

– Сколько? – спросил Кляйн сквозь дым сигареты. Семен не рассчитывал на такси. Время встречи с Павликом в Москве он подбирал так, чтобы успеть на аэроэкспрессе. Спросил просто из присущей ему любознательности.

– Куда в Москве? – толстяк, который тоже, надо сказать, всерьез не рассчитывал на этого клиента, уже приблизительно знал сумму, которую хочет за поездку.

Ресторан, что нужен Семену, был расположен почти

на Арбате.

– Трубниковский переулок, – ответил Кляйн.

– Четыре, – сказал таксист.

– Ясно, – ответил Семен.

Таксисту тоже все стало предельно ясно, и он повернулся к Семену своим необъятным задом. Теперь Кляйн мог увидеть ключи, которые все так же нетерпеливо позвякивали в потной руке таксиста.

У Семена снова тренькнул эсэмэской телефон. Сейчас это вызвало у человека без багажа небольшое раздражение – наверное, опять оператор навязывал какие-то свои услуги. Он хотел стереть СМС, не читая, но остановился – номер, с которого писали СМС, был не определен. Кляйн был заинтригован. Звонить с подавленных номеров ему звонили неоднократно, но СМС с неопределенного номера – нет, такого еще не случилось.

Семен открыл СМС и прочитал сообщение: «Здравствуйте, Кляйн. Я бы хотел встретиться с вами по поводу Джона Полака. Мой номер +7 925 079-11-07. Линкси».

Никакого Линкси Семен не знал. Зато упоминание о Джоне Полаке Кляйну совсем не понравилось. Кто-то здесь, в России, уже знал о связи между ним и Джоном. Впрочем, этого следовало ожидать. У «конторы» длинные уши, которыми она могла слушать разговоры даже во французских тюрьмах. А сообщение это было определено из «конторы». Перезванивать по указанному номеру Семен не стал – зачем

лезть к ним в руки самостоятельно. Неласковые они совсем, эти руки.

Кляйн еще раз затянулся и расстегнул пальто, и так застегнутое всего на одну пуговицу. Зима в этом году во всем Северном полушарии выдалась аномально теплой, но Семен рассчитывал на снег здесь, в Москве. Нет, снега не было не только в Европе, снега не случилось и в Москве 2021 года, месяца февраля.

Кляйн выбросил окурок в урну и пошел к аэроэкспрессу.

Как уже упоминалось, Семен Васильевич Кляйн был сейчас в прямом смысле слова человеком бездомным. Квартиру его отобрали за долги во время заключения, и его не могли приютить даже родственники – родители и сестра Семена погибли в авиакатастрофе еще в 2012 году. Поэтому после того, как Кляйн отсидел в тюрьме Понтуаз во Франции, он вернулся в Россию с одними только долгами – даже на самолет до Москвы и на гражданскую одежду деньги ему выслали во Францию друзья.

Но Семен Кляйн не выглядел раздавленным или сломленным.

Во французской тюрьме Понтуаз Семен стал обладателем тайны, которая сулила ему хорошие деньги. Деньги, которые позволили бы Семену снова стать на ноги.

Вместе с этой тайной Кляйн получил ключ от двери в совершенно удивительный, невероятный и поразительный мир.

Но об этом Семен Кляйн пока еще не знал.

2

Yorke.

2010 год, 19 ноября

«Лажса какая.

Никогда бы не подумал, что напишу это. Но вот, пишу: здравствуй, дорогой дневничок.

Дневничок этот пока никто не читает и, скорее всего, читателей у него будет немного.

Кто я – не знает никто здесь и, скорее всего, не узнает. Это будет такой тайный, конфиденциальный дневник.

Что тут нужно писать, в первой записи? Правила поведения? Представляться?

Ну ок.

Правил поведения у меня нет.

Зовут меня... ну скажем, Юра. Мне, скажем, 28 лет, я, скажем, менеджер среднего звена из города... ну допустим, Москва. Продаю я... Ну, пусть я продаю оптом моторные масла.

Что еще? Наверное, зачем я завел этот дневник? Ок.

Этот дневник я завел из-за того, что с детства мечтал стать писателем.

Вот и буду здесь тренировать свое писательское мастерство. Рассказывать, допустим, о серых буднях продажни-

ка. Ярко и весело о серых буднях. Вторым Славой Сэ я, конечно, не стану. Писательский мой талант другой направленности – я хорошо умею фантазировать и воображать.

Но я очень рассчитываю, что писательский талант этот у меня есть. Ну, а если есть – то его нужно развивать».

Комментов: 0. [Комментировать эту запись.](#)

3

Семен Кляйн доехал на аэроэкспрессе до Павелецкого вокзала, там спустился в метро, добрался до Арбата и вышел наружу. Затем он прогулялся до ресторана «Колбаса», но не стал в него заходить, а остановился, чтобы посмотреть на то, как изменился фасад здания за последние три года.

Название своему ресторану – «Колбаса» – Семен придумывал вместе с компаньоном по бизнесу, Димой Кочетковым.

Сначала они обратились в несколько рекламных агентств, которые специализировались на брэндинге, но все то, что предлагали агентства, как-то на душу не ложилось. То, что присылали из РА, было каким-то то лощеным, то заумным, то занудным, а то попросту пошлым.

Однажды, после прочтения очередного письма с новыми предложениями по названию их ресторана, Кочетков в сердцах закрыл почту и сказал пословицу, которая заканчивалась словами «сделай это сам». Семен с ним согласился.

После рабочего дня компаньоны сели прямо в ресторане, который должен был открыться уже через неделю, подумали.

Записали десять названий каждый. Выпили, покурили, поговорили, посмеялись, написали еще десять. Затем цикл повторился. После повторился еще несколько раз. Затем – это было уже под утро – Дима просмотрел еще раз все, что

написали компаньоны, и среди вороха бумажек с названиями нашел «Колбасу».

Почерк у компаньонов ко времени написания «Колбасы» был уже очень схожим. Поэтому то, кто придумал это название, так и осталось невыясненным. Но ясно было как день, что каждый считал бренд своим. Тем более, что название вышло удачным. В окружении Rossini, Remi Kitchen и прочих Честерфильдов с Zauseff, «Колбаса» смотрелась вызывающе и вместе с тем мило – в это заведение отчего-то хотелось непременно зайти.

Теперь Семен стоял на улице перед некогда своим рестораном. Он отметил совсем незначительные изменения в оформлении фасада. На задворках сознания Кляйн всхлипнул о том, что ресторан теперь не его. Потом пробежали, промчались в голове Семена сотни обрывочных воспоминаний, связанных с этим местом. А еще потом Кляйн открыл дверь и вошел.

«Колбаса» почти не изменился и внутри. Люди, которые владели теперь бизнесом Семена Кляйна, прекрасно знали простое правило: «работает – не лезь». Персонал, правда, за те три года, что Кляйна не было в Москве, поменялся почти полностью – но именно так Семен себе это и представлял.

Павлика еще не было.

Сейчас, в 12 часов дня, в ресторане вообще почти никого еще не было. В углу пил кофе и листал ноут парень в шап-

ке с заячьими ушами. В центре зала обедала – или еще завтракала? – пожилая пара. Семен выбрал себе место, сел, дождался официантку.

– Колбаса есть? – спросил Семен, когда подошла официантка и подала меню.

– Ха-ха-ха, – медленно и членораздельно ответила девушка с бейджем «Вероника».

– Что, уже сегодня спрашивали? – Семен открыл меню.

– Нет, – ответила официантка. – Но вчера спрашивали.

Вероника побарабанила ручкой по своему блокноту.

– И позавчера спрашивали. И позавчера.

В дверях ресторана появился Павел. Семен поднял в приветствии руку, помахал Севастьянову. Привычки обниматься у друзей не было никогда, поэтому Кляйн не встал, когда Севастьянов подошел, а только приподнялся с места и подал руку для рукопожатия.

– Что будешь? – спросил Семен Пашу.

– Да кофе давай, – ответил Паша, скинул легкую дубленку рядом с собой на диванчик и присел.

– И мне кофе, – сказал Семен официантке. И добавил, когда понял, что официантка сейчас захочет подробностей: – На ваш выбор. Оба два.

Когда Анна ушла, Павел достал из куртки пачку сигарет, вынул оттуда себе одну, бросил пачку на стол и закурил.

– Как дела в Париже? – улыбнулся Севастьянов Семену.

Кляйн улыбнулся в ответ.

– Ты, Паша, наверное, шел и репетировал эту фразу, – сказал он.

– Ну уж... и репетировал, – хотя по глазам Павлика Семену и стало очевидно, что именно репетировал. – Как долетел?

– Самолетом, – ответил Семен. Он достал сигарету и тоже закурил. – А в Париже, ты спрашивал... Сыровато. Темновато. Еда сильно так себе. Гулять не выпускали. Да и вообще, слухи о том, как хорошо сидеть в европейских тюрьмах сильно преувеличены.

– Ну Кельвин, – сказал Севастьянов. В классе у Кляйна была такая кличка – Кельвин. Потому что Кляйн. Паша подвинул пепельницу в центр стола, чтобы до неё доставали оба. – Ты сам виноват. Или концы прятать надо было лучше. Или жить честно.

Семен посмотрел своему другу в глаза и прищурился.

– Честно жить, Паша, в то время значило только одно – жить плохо, – ответил он. – И чем честнее – тем хуже. Разве умели мы тогда, в самом разбеге, жить плохо?

– Ну это да, – глядя теперь куда-то в сторону, ответил Севастьянов. – Не умели.

Пришла официантка Вероника и принесла кофе в крошечных чашечках.

– Это сейчас все сильно поменялось, – сказал Семен. Он взял свой кофе и стал его помешивать. – Жить честно и жить хорошо – выражения, которые больше не спорят между со-

бой. Хотя чего-то мне мерещится, что всех налогов не платишь ты и сейчас.

– Ладно, Сема, – сказал Паша. – Вряд ли мы налоги мои сейчас собрались обсуждать. Тебе жить-то сейчас есть где?

– Знаешь уже? – спросил Кляйн. – Про квартиру?

– Ну, я кое-что слышал, – сказал Сеов. – Без подробностей. Знаю, что Кочеткову отошла. А почему... Чем-то поганым от этой истории веет, вот я и не вдавался.

Дима Кочетков, с которым Кляйн открывал «Колбасу», тоже был из их лицейского класса.

– Ну... У всех кредиты, займы, обязательства, – ответил на это Кляйн. – Да и Дима не лично же у меня её отжимал. Фактически дело было так, что «контора» отжала у нас бизнес. А квартиру эту ему отдала в качестве компенсации. За его долю здесь.

Семен указательным пальцем легко постучал по дубовому столу.

– Хорошая квартира, стало быть, была, – сказал Севастьянов. – Раз хватило.

– Неплохая, – ответил Семен.

– Ладно, – сказал Павел. – Проехали. В общем, Кельвин, пока на неделю или две я могу пустить тебя пожить на свою дачу.

– Спасибо, – сказал Кляйн.

Семен, конечно, был благодарен Паше, но в то же время

понимал – Севастьянов отдает ему сейчас кое-какой долг. В свое время лицеист Кельвин одолжил лицеисту Сеову на развитие бизнеса серьезную сумму. Деньги Павлик, конечно же, давно вернул. Но если бы Семен тогда не рискнул очень немалыми своими деньгами, никакого бизнеса у Севастьянова сейчас бы не было.

– Далеко?

– Семнадцать километров от Москвы, – сказал Севастьянов. – Там бойлер, камин, дрова есть, магазины рядом.

– Располагает, – сказал Кляйн. – Очень выручишь, Павлик.

– Ну, что я еще могу, – сказал Паша и немного подумал. – Могу тысячу долларов. На первое время тебе должно хватить. Достаточно?

– Вполне, – ответил Семен.

– И еще, Сема, – Павлик помялся, как будто не зная, стоит ли затевать этот разговор вообще. Потом решил, что все-таки стоит. – А иди ко мне начальником отдела? По зарплате сам понимаешь – договоримся. А квалификацию ты свою, я думаю, восстановишь быстро. Что думаешь?

– Знания в IT приобретаются медленно и по крупницам, – ответил Семен. – А устаревают быстро и все разом. Павлик, я три года уже не то что код не писал, я ноутбука не видел все это время.

– Мне кажется, – ответил Севастьянов, – что ты был программистом такого уровня, что быстро войдешь в курс. Общие принципы, сам понимаешь... никак не изменились.

– Ну ты же прекрасно знаешь. В первую очередь я был не программистом, а ломщиком, – сказал Кельвин.

– Ой, ну будет, будет, – сказал Паша. – Как будто ты не понимал, как писать то, что ломал.

– Понимал, – улыбнулся Семен. – Ладно, Паш. За предложение спасибо, давай я над ним пока подумаю.

– Ок, – ответил Сеов. Хоть и понимал Павлик, что ни над чем таким Семен думать не собирается. Разве что совсем уж его припрет. Очень свободолюбивым был человеком Кельвин. Офис был ему очень тесен. Не по размеру. Жал.

– А чем... – спросил Севастьянов. – Ну, уже знаешь, чем вообще заниматься собираешься?

– Приблизительно, – ответил Семен. Он размешал остатки своего кофе и допил. – Кошелек один поручили поломать.

– О, – сказал Паша. – Ты снова в деле.

– Ага, – ответил Семен. – Но сейчас все более-менее законно.

– Береги себя, друг мой Сема.

– Я буду очень стараться, мой друг Сеов, – улыбнулся на это Кляйн.

4

В позднем СССР маленьким мальчикам полагалось мечтать стать космонавтами, летчиками-испытателями или поэтами-исполнителями бардовской песни.

Ни о чем таком в детстве Семен Кляйн и не помышлял.

Не потому, что на него не действовала советская агитация, не потому, что родители внушали ему какие-то другие ценности, и совсем уж не потому, что маленький Кляйн не умел мечтать. Мечтать Семен умел. Более того, Семен умел не просто мечтать, а с самого раннего детства умел что-то делать для того, чтобы мечты его осуществлялись.

А мечтал Кляйн придумывать игры.

Свой первый сценарий для игры Семен придумал в восемь лет. Игра была в солдатиков. Небольшое представление, на которое Семен пригласил всю семью, прошло ровно по тому сценарию, который он придумал.

Папа и мама оценили придуманную игру аплодисментами, бабушка постоянно отвлекалась на кухню, где в огромной выварке у нее варилось белье, но тоже, в общем, неплохо поняла перипетии сюжета и оценила действие.

После первого успеха Семен придумал еще несколько сюжетов для разных игр. Но его талант сценариста для игр со временем мог бы угаснуть, если бы не компьютер zhspectrum, который появился у одноклассника Сережи Коз-

ловского, когда Семену было 12 лет.

Именно тогда, когда появился этот первый, совсем незамысловатый ЭВМ в жизни Семена, и пропал примерный школьник Семочка Кляйн.

Именно тогда Семен научился симулировать простуду для справки в поликлинике. Именно тогда научился Семен безбожно, отчаянно, возмутительно врать родителям. Именно тогда научился тянуть у них из кошельков деньги на игры, записанные на аудиокассеты, и красться, пробираться, проскальзывать окольными тропами к Сереже Козловскому домой для того, чтобы провалиться в совершенно новый для себя мир – мир компьютерных игр.

Сначала Семен просто играл во все, что могла предложить только начинающая свой разбег индустрия компьютерных игр. Но однажды разнообразие аудиокассет, на которых были записаны звуковые дорожки игр для компьютера zx-spectrum, закончилось. Закончилось сначала у Сережи дома, потом в ларьке у магазина «Радиотехника», потом на рынке «Горбушка» в Москве. Конечно же, нельзя говорить о том, что закончились все возможные игры для zx-spectrum – закончилось именно разнообразие. Все то, что покупал Семен, он уже видел.

Семен еще некоторое время перебирал одни и те же сюжеты, пока совсем не прекратил испытывать радость от игр. И тогда Семена посетила достаточно безумная и даже какая-то по-мальчишески наивная мысль. Он подумал, что

за дело нужно браться самому. То есть ему самому – Семену Кляйну – следует написать такую игру, от которой все ахнут.

Семочка был не то что бы каким-то ужасно самоуверенным мальчиком.

Семен просто умел мечтать.

Мысль о том, чтобы собственноручно написать игру, безумной была только на первый взгляд. В конце концов, эти горшки обжигали не боги – то есть если получилось что-то сделать у кого-то, обязательно должно было получиться и у Семена. Главное – добросовестно хотеть.

Кляйн решил изучить все возможные материалы о том, как делаются компьютерные игры. И почти сразу же столкнулся с огромной проблемой – не было доступно решительно никакой обучающей литературы, в которой он мог бы почерпнуть знания о том, что стоит за точками, которые собираются на экране в танки, пещерных людей с дубиной или гоночную машину. Интернет уже тогда существовал, но, во-первых, у Семена почти не было к нему доступа. Во-вторых, в те времена интернет еще не содержал и миллионной доли того, что содержит сейчас.

Но порой достаточно просто хотеть – хотеть искренне, хотеть сильно, хотеть всем своим нутром – и вся Вселенная будет помогать тебе исполнить то, чего ты желаешь.

Через месяц после того, как Семен захотел, отец взял его на работу к крестному, дяде Володе – в Институт системного программирования Академии наук.

Там Кляйн познакомился с ЭВМ.

ЭВМ ему представили – оказалось, что звали вычислительную машину ЕС-1841. Они с ЭВМ пожали друг другу руки в приветствии и стали относиться со взаимным уважением сразу же, с первого дня. Судьба, как уже указывалось, благосклонно относится к тем, кто хочет по-настоящему. И в том же году Семен поступил в элитный лицей при МИФИ.

В НИИ системного программирования, куда привел его отец, Семену помогал разбираться с языками программирования дядя Володя. В лицее же почти сразу организовалась группа единомышленников, которая обменивалась литературой по программированию и новостями из мира компьютерных игр.

Поэтому уже через два года после того, как задумал, Семен создал свою первую компьютерную игру. Это была игра о космосе, межпланетной торговле, звездных кораблях и космических пиратах.

Игрушка эта пожаром распространилась среди первых пользователей компьютеров СССР. Семен, которому уже было 16 лет, рассчитывал на материальную отдачу от своего проекта. Это было вполне справедливо. Хотя бы потому, что больше года Семен вставал в четыре утра перед занятиями в лицее, больше года Семен практически не выходил на улицу для какого-то другого досуга, больше года Семен горел только одним – написать свою игру. Естественно, делал он

это не ради денег. Но когда стало совершенно очевидно, что вовсе никаких денег от этого своего труда Кляйн не получит (игра распространялась исключительно пиратским способом), Семен задумался.

Получалось так, что никому даже в голову не приходила простая мысль о том, что за такую работу следует платить. А между тем отца Кляйна уволили по сокращению с его инженерной должности, и он не мог найти себе никакой другой работы. Мама после рождения младшей сестры трудилась воспитателем детского сада и получала совсем немного. Мало того, что купить в девяностых годах в СССР в магазинах было почти нечего, так семье Кляйна купить в этих магазинах стало еще и не на что. Вскоре Кляйнам перестало хватать даже на самое необходимое. Кормились они теперь какими-то тыквенными кашами на сале – тыкву растили на даче, сало привозил отец из деревни. Жарили кабачки, пекли морковные котлеты, однажды два дня подряд в меню семьи был один только жареный лук. После второго дня такого рациона мать проплакала всю ночь, а отец, который не умел ни воровать, ни попрошайничать, сказал ей – ночью, тихо, ему казалось, что дети спят, – что если мать не прекратит, то он повесится в ванной на змеевике. Подросток Кляйн навсегда запомнил эту картину: ванная, змеевик, ремень и отец на этом ремне.

После той ночи Семен решил скорректировать свои мечты. Он больше не хотел быть сценаристом для игр.

Теперь Семен просто хотел стать богатым.

И сделаться богатым Кляйн хотел как можно скорей.

Yorke.

2011 год, 28 января

«Обещал писать вам о серых буднях менеджера среднего звена.

Но как-то тоскливо все это записывать, признаться вам, друзья... Вся эта торговля. Все эти счет-фактуры, договоры, накладные, клиентосы. Бабло, бабло, бабло. Пустота. Пусто-пусто, как в домино. На что ни умножай, каким текстом это ни описывай – пусто.

А еще я зафрендил разных людей и читаю теперь то, что пишут они, – это называется френдлента. И вас таких там уже, оказывается, полно. Таких, которые или смешно, или со вкусом, или очень красочно, или еще как, но, в общем, интересно, описывают всю эту менеджерскую жизнь.

Знаете, о чем я думаю, когда читаю свою френдленту? Когда читаю вот этих вот всех менеджеров среднего звена, которые владеют слогом и словом, которые чувствуют, как надо писать и которые умеют писать. Я думаю о том, что все то искусство, что сейчас есть, всю ту музыку, что мы сейчас имеем, весь тот синематограф, весь тот юмор в телевизоре – это следствие того, что именно вы, ребята, пошли зарабатывать бабло.

Вы – все те, кто что-то мог.

Вы – все те, кто чего-то стоил.

Вы – все те, кто мог творить что-то такое, что осталось бы крупницами в Храме Вечности, – вы пошли зарабатывать бабло, вы почти все стали менеджерами среднего звена.

Вы порезали на инуры крепко стоящий член вашего умения творить, уткнулись в товарные накладные и путевые листы, в маркетинговые исследования и в графики повышения продаж.

И все, вас больше ничего не интересует. И некому теперь писать хорошие романы. И за последние десять лет – десять! – не сняли в России ни одного, кажется, хорошего фильма. И нет и не будет нового Бродского или Мандельштама от поэзии. И нет и не будет нового Высоцкого или Гребенщикова от музыки. А если даже что-то такого рода и появится – совсем скоро некому будет это воспринимать. Вам надо объяснить почему? Потому что ваши дети получают не те ориентиры, что давали вам ваши родители. Ваши дети будут думать только о том, где, как и что покруче потребить. А еще они будут думать о том, как на это заработать. К черту литературу, к черту поэзию, все это понесут тоннами в макулатуру – просто оттого, что они занимают место, просто оттого, что все это собирает пыль.

А вы так и будете строчить посты в «Живой журнал» или «Фейсбук». Посты, которые пропадают из любой люд-

ской памяти через неделю после прочтения.

Вы превратились в рыб, и ваши дети превратятся в рыб. Рыб, у которых память рассчитана на три, что ли, минуты.

И Вечность, я думаю, вам этого не простит».

Комментов: 2. Комментировать эту запись.

6

Севастьянов допил свой кофе.

– Ну что тогда, – Павлик повертел в руках свою пустую чашку. – Я сейчас позвоню на работы, узнаю, что там к чему, да поедем ко мне на дачу?

– Да, – Семен улыбнулся. «На работы» – это Кельвин еще в лицее придумал, как кальку с обязательных работ в концлагере или тюрьме. Там ведь тоже выгоняли «на работы». Прижилось, стало быть, это его выражение и прошло через годы. – Спасибо тебе, Павлик.

– Только еще заедем за ключами от дачи, – Павел взял мобильный и стал набирать номер. – Сам понимаешь, все это как-то внезапно.

– Окей, – Семен повернулся к барной стойке и поднял руку, чтобы принесли счет.

Ехать к Паше домой предстояло через весь город.

Принесли счет. Павлик закончил говорить по телефону. Ради интереса Кляйн заглянул в счет и прикинул, что в счете почти пять баксов. Семен вспомнил о «фишечке» своего заведения, своей «Колбасы» – два кофе за один доллар. Но когда это было-то. Это было уже очень давно.

Севастьянов рассчитался по счету, и они вышли на улицу.

Свой первый доллар Семен Кляйн не заработал, а украл. Хотя сам Кельвин так и не считал.

Надо сказать, что вообще редкий человек признает себя вором. На такое способны разве что те радикалы, которые нашивают на тело особые отметки синими чернилами с сообщением окружающим своего статуса. С течением времени таких радикалов становится все меньше, и держать их стараются в отдельных охраняемых помещениях. Люди же условно «нормальные», без тяги к блатной романтике, как правило, всегда находят оправдания своим поступкам.

Семен Кляйн также нашел оправдания своему воровству. Семен обманывал сам себя тем, что он не крадет, а оказывает услуги.

В конце девяностых в России стал появляться повелитель, император нынешнего мира – интернет. Доступ к нему стоил поначалу баснословно дорого, но среди учеников лицейского класса, в котором учился Кляйн, почти никто за интернет не платил.

Тогда, когда первые провайдеры немного уже «набили» себе клиентскую базу, тогда, когда провайдеры уже перестали яростно отслеживать трафик, который расходовали, именно тогда одноклассник Кельвина Сеня Казимирский нашел дырку в системе, которая позволяла ничего не платить

за доступ к интернету. Сначала дырку нашел Казимирский, потом аналогичную прореху нашел Сеов, а потом это превратилось в некий вид соревнований – каждый лицеист старался найти свой способ проломать, пробить защиту того или иного провайдера и подключиться бесплатно. Со временем нашел свой путь и Кляйн. Тот самый первый доллар – это не фигура речи, это был именно доллар, который в качестве символической оплаты Кляйн взял с соседа. Доллар этот Семен на манер Скруджа Макдака поместил в рамку под стекло. Но очень скоро сунул рамку куда-то в стол, потом переложил куда-то на полку, а потом и вовсе она затерялась где-то антресолях.

Следом за первым долларом интернет стал приносить Кляйну банкноты уже других номиналов. Однако по ясным причинам долго так продолжаться не могло. Когда к Сеову домой пришла милиция, все ученики лицейского класса быстро поняли, что пора «крутить вату» – в этом классе как-никак учились умные мальчишки. Тем более, что... Тем более, что и сам этот вид заработка уже не казался таким уж интересным для тех юных взломщиков, которые все больше увязали в легких деньгах, появляющихся из этого нового вида пространства. «Темы» стали появляться одна за другой. И «темы» эти были одна другой краше.

Коготок Кляйна увяз почти сразу. Деньги образовывались из ничего.

Семен стал приносить домой сумки с продуктами из су-

пермаркета – родителям он сообщил, что устроился администратором в один из первых в Москве компьютерных клубов. Приблизительно так оно и было – Кельвин действительно оказывал кое-какие услуги этому клубу. Делал он это почти всегда бесплатно, просто ради связей, которыми стал очень быстро обрести. Деньги же Кляйн вынимал из других своих проектов.

Семен быстро понял, что нужно хорошенько вложиться в то, что эти деньги приносит, – в личную ЭВМ. Официальных данных, конечно же, ни у кого не было, однако по собственным ощущениям Кляйн имел самую навороченную вычислительную машину среди своих московских ровесников. А было Семену Кляйну тогда уже девятнадцать.

С течением времени Кельвин как-то незаметно взял на себя оплату всех коммунальных платежей за квартиру и стал отдавать матери «зарплату» – совсем небольшую, в общем-то, часть своих доходов. Потом в доме обновилась вся техника – от утюга до холодильника, а в двадцать один год Семен сообщил родителям, что съезжает на съемную квартиру. В то время он уже был не лицеистом, а полноценным студентом МИФИ. Родители ничего против такой самостоятельности сына не имели.

Там, в съемной квартире, Семен стал создавать свою личную хакерскую библиотеку, и именно тогда пересеклись впервые пути Кляйна и Андрея Юрьевича Щербакова, который сыграет еще огромную роль в жизни Кельвина. Пер-

выми, а может быть, даже главными книгами Семена в этой библиотеке стали как раз книги Щербакова – «Защита от копирования» и «Разрушающие программные воздействия».

По-настоящему «работать» Кляйн научился в основном благодаря этим книгам. Работать на самых разных нивах этой новой, очень плодородной земли, которая носила название «интернет».

Начинал Семен с того, что «угонял» номера ICQ, чтобы затем возвращать их за небольшое, в сущности, вознаграждение. Номеров было очень много, и чем меньше была плата за то, чтобы номер вернулся к владельцу, тем больше было желающих свой номер вернуть.

Потом Кельвин сунулся в банковскую сферу. Провел несколько удачных операций по списанию красивых, но не заоблачных сумм в свою пользу. Но как раз тогда в газетах стали писать про Citibank и «дело Левина», которого «закрыли» сразу на 12 лет. Закрыли громко, звонко, раскатисто. Сдержанный и осторожный Семен понял, что из этой «темы» лучше побыстрее «скроить». Он прибрал там за собой все, что мог прибрать, и стал смотреть в сторону других горизонтов новой необъятной территории.

И тогда настало время кардинга.

По официальным данным, в Европе с 2001 по 2010 год потери от кардинга составляли от 600 до 1 200 млн евро ежегодно. В США эта цифра составила 12 300 млн долларов за десятилетие. Где-то среди этих цифр спрятался и куш, ко-

торый сорвал кардингом Семен Васильевич Кляйн.

Кардинг – это мошенничество с платежными картами.

Для того, чтобы заплатить с платежной карты, зачастую не нужно ничего, кроме реквизитов. Особенно это касается платежных карт, распространенных в США.

Путей для того, чтобы получить реквизиты чужой карты, Семен знал где-то десяток – какие-то он изобрел самостоятельно, какие-то придумали другие светлые головы.

Сначала Кляйн занимался тем, что выводил деньги с чужих платежных карт сам. Чуть позже понял, что гораздо менее рискованно просто продавать добытые реквизиты карт. Пачками: по десять, по сто, по тысяче. А еще через пару лет и вовсе задумался о том, что риски будут минимальными, если создать и предоставить интернет-площадку тем, кто занимается покупкой и продажей реквизитов платежных карт. Задумался, немножечко напрягся и вскоре открыл такую площадку самостоятельно. Сделал все быстро и оперативно, потому что понимал, что идея эта просто просится наружу. И тут кто первый встал, того и тапки. Тапки теплые, удобные и очень комфортные.

И первым в эти тапки встал Семен.

Yorke.

2011 год, 19 мая

«В дневничке принято делать записи о своей личной жизни. В личной моей жизни у меня идет дело к разводу с женой. Она крайне недовольна тем, что я выпиваю.

Но позвольте, как же не пить в этом чертовом мире? В мире, в котором я не могу зарабатывать на жизнь тем, для чего предназначен, тем, что мне милее всего на свете? В мире, в котором я не могу зарабатывать на жизнь литературой.

Я пишу роман, я пишу его уже два года, но кому он будет нужен, мой роман? Кто сейчас покупает книги, если почти все книги, что были когда-либо созданы на планете, можно получить бесплатно на экран монитора, нужно нажать всего пять или семь кнопок? Ничего и никогда я своим романом не заработаю, как бы ни был он хорош.

Потому я хожу в офис, продаю моторное масло и слушаю, варюсь, бездельничаю и пустословлю со всеми этими людьми, которые меня окружают. Я мимикрирую, приспосабливаюсь, подстраиваюсь под них – я заметил, как легко я уже бесконечно говорю с ними о погоде, том, что в моде, о том, что не в моде, и опять о погоде. Я так и умру, ка-

жестя: или в этом офисе, или по дороге туда, или по дороге обратно. Скорее всего – по дороге туда, смайл. От тоски из-за предстоящего нового дня.

Хочется выть от всего того, что меня там окружает. Хочется бежать оттуда со всех ног, хочется лететь с балкона, ломая ветки тополей.

А ведь ты чего-то хотел, мальчик.

Ведь ты чего-то такого хотел, мальчик Юра, когда читал Стругацких и Лема, когда слушал об актрисе Весне и билете на самолет с серебристым крылом. Ты чего-то хотел тогда, когда запоминал строки о том, как ленивым переползом жирного короткого пальца Великий Стратег переправил через Керченский пролив в декабре 1941 сто двадцать тысяч наших ребят и всех без боя отдал немцам. Или когда запоминал строки о том, как шел через крытую колоннаду дворца Ирода Великого пятый прокуратор Иудеи, Всадник Золотое Копье.

Вряд ли ты хотел сидеть на офисном стуле большую часть своей жизни, договариваться о пяти коробках вязкости 10w40 «где-нибудь к концу дня». Вряд ли хотел тайком передавать откаты из одних потных от страха ладоней в другие потные от страха ладони, заказывать транспорт на пятницу, тонны две. Очень вряд ли.

А чего? Чего ты хотел?

Это нужно поскорее забыть, чего ты хотел. Хотя бы уже дома. И это можно забыть легко: открыл, выпил, за-

кусил, включил снукер по евростпорту – и все вроде бы отлично, и ничего вроде бы уже и не парит и не подгорает вроде бы нигде.

Еще налил, еще выпил, еще закусил. А нормальное пальто, Григорий? Отличное пальтишко, Константин. И жена красавица – это объективно. И сын у меня прекрасный сообразительный и умный. И зарабатываю же – как у людей все, все как у людей.

К черту какое-то там Предназначение, о чем это? Тебе не 18 лет, Юрочка, тебе уже 32. У тебя обязательства и ответственность. У тебя надежды родителей. И ты оправдываешь вроде бы, ты стараешься. И тянешь эту лямку, которая душит, каждый день душит. погоди, еще рюмочку. А что там рюмочку, давай сразу две подряд – что ты там говоришь? Какие лямки, в выходные едем на дачу, я же купил бассейн. Прекрасный бассейн, хоть и пластиковый. Как все. Все в нашей жизни отчего-то стало сейчас таким – пластиковым, ненастоящим каким-то, поддельным. Э, не, брат, опять куда-то тебя не туда понесло. Вот же коньяк, а ну-ка еще по пятьдесят и лимончиком вот, закуси.

Кристина (жена) хочет, чтобы я не пил. А я не могу не пить. Да ты просто не представляешь, Кристина, во что превратится моя жизнь, если я не буду пить. Это будет череда серых, унылых, безрадостных дней. Дней без надежды, без солнца, дней без анестезии, в конце концов.

У нас уже каждую неделю из-за этого скандал.

Ну что же, давай разведемся.

Уходи. Лично мне ничего не жаль. Никогда ты меня не любила так, как я хотел, никогда. Да, может быть, любила как-то, может быть, я и был для тебя чем-то важным, кем-то нужным, но все это не то.

Когда-то мы были воинами. Наши замки были из темного сырого гранита. В груди наших женщин билась трепетная птица. А в наших глазах отражались наши облака, наш ветер и смех наших детей (с).

Вот как я хотел.

Ничего этого ты мне не можешь дать, и ничего такого, чего хотела ты, не мог дать тебе я.

Уходи.

Не страшно.

Переживу».

Комментов: 5. [Комментировать эту запись.](#)

Москва со своими обычными и бесконечными пробками очень быстро утомила Семена. Поэтому, когда Севастьянов отклонился от маршрута домой и поехал к зданию банка, Кляйн мысленно выматерился.

– Что мы тут, надолго? – как можно более вежливо, но с долей яда спросил Семен. Очевидно, Севастьянову нужно было что-то порешать в банке.

– Деньги вот тебе с карты сниму в банкомате и дальше поедем, – ответил Сеов.

Семен сказал про себя «упс» – ему стало неловко. Они остановились у банка, Кляйн вышел вместе с Севастьяновым из машины, достал сигареты и закурил.

– Кстати, курить в машине можно, – улыбнулся Паша.

– Спасибо, – ответил Семен.

Сеов пошел к банкомату, а Семен подумал о том, что в который раз в своей жизни думает о людях хуже, чем они есть. Как-то нужно было эту черту характера в себе корчевать, но как – Кляйн не имел представления. Кажется, с течением времени он менялся в лучшую сторону – ну хотя бы стал задумываться о такой нехорошей черте своего характера. Но изменения эти были какими-то медленными и малозаметными.

Искристая жизнь повелителя виртуальных пространств беззаботной была для Семена Кляйна недолго.

В какой-то момент Кельвин стал замечать изменения, которые начали происходить в отношении к киберпреступникам со стороны российских спецслужб.

Надо сказать, что до определенного момента в действиях российских хакеров было очень много свободы. Так происходило потому, что силовикам нужно было наводить порядок в первую очередь не в виртуальном пространстве, а в реальном – где одни граждане страны страстно, жгуче хотели жить кучеряво за счет других граждан страны. Россия после развала СССР провалилась в средневековье. Весь путь до цивилизации ей нужно было пройти снова и как можно быстрее.

Желание многих граждан страны не работать, а жить за счет других, было настолько несгибаемым и необоримым, что из-за этого желания граждане, не очень задумываясь, калечили, пытали, резали и убивали друг друга и с тем же незатейливым желанием часто шли сами на смерть.

Также причиной, по которой за киберпреступления в Рос-си не брались всерьез, было одно неписаное правило русских хакеров – «не работать по ги».

Процентов на 90—95 российские хакеры находили себе

«заработок» в Европе и США, тем самым занимая тамошние спецслужбы и отвлекая на себя немалый их ресурс. Остальные 5—10 процентов или быстро обучались и исправлялись. Или спокойно «сливались» в МВД своими же. Потому что все сообщество прекрасно понимало, что относительное спокойствие для российских хакеров может быть возможно, только если соблюдать это самое негласное условие: «не работать по ги».

Однако, начиная примерно с конца нулевых, силовикам, в ведомствах которых уже были созданы специальные отделы, занимавшиеся как киберзащитой, так и кибератакой, стало не хватать своих кадров. То есть кадры, конечно, готовили: и в Высшей школе КГБ, и в МИФИ, в МИЭМ и МФТИ. Но спрос на IT-специалистов к концу нулевых годов настолько вырос и со стороны СВР, и ФСБ, и МВД, что своих подготовленных людей хватать перестало. Это было совсем неудивительно – кубометры мирового виртуального пространства каждый год умножались на десять, на сто, а порой и возводились в степень.

Хакер же – это уже готовый для работы специалист. Дополнительно хакера учить почти ничему не нужно, он нередко сам мог кое-чему научить молодых специалистов перечисленных ведомств. В штат свободных ремесленников почти никогда не зачисляли – интереса в этом не было с обеих сторон.

Начиная с 2000 года, до Семена стали доходить сведения,

что на спецслужбы начинает работать то одна громкая фамилия из мира киберпреступников, то другая, то третья. Перспектива работы на органы Кляйна интересовала мало, и он думал, что всегда сможет отказаться от такого предложения. Но тут стали появляться упорные слухи о том, что те, у кого добровольной любви с ведомствами не выходит, бесследно исчезают. Так, как будто их похищают с Земли инопланетяне. Тут Кельвин понял, что такой футбол ему не нужен вовсе, и резво стал сворачивать свою деятельность в мире киберпреступлений. Он очень дешево – потому что очень быстро – продал площадку, где кардеры покупали и сбывали «хабар». Затем вышел из еще нескольких проектов – где-то просто извинился перед ребятами, где-то уплатил «отступные».

После того, как с миром интернет-воров Семена перестало что-либо связывать, кроме прошлого, он стал вкладывать деньги в легальный бизнес.

В Москве в это время стремительно развивался бильярд. Семен без долгих размышлений купил себе два помещения, располагающихся у станций метро, и завез по десятку бильярдных столов в каждое. Где-то перекупил, где-то заманил условиями лучших в городе маркеров – и почти сразу стал проводить у себя соревнования. Привлеченные маркеры были не только бильярдными судьями, они имели все нужные связи для того, чтобы организовывать первенства разного уровня и привлекать в клуб нужную публику. Очень быстро заведения Семена стали пользоваться популярностью. Он

докупил туда еще столов – квадратных метров в помещениях было с запасом – и стал искать новые места под бильярдные клубы и новый персонал. Так Семен Васильевич Кляйн магически, меньше чем за год, превратился в респектабельного бизнесмена.

И тут на том этаже, с которого совсем недавно поспешно сбежал Кляйн, рвануло.

Рвануло так, что осколками оконных стекол засыпало или ранило всех, кто был в это время рядом. А уж слышали взрыв, кажется, во всем мире. Причины, по которым отечественные спецслужбы решили заняться – да так громко – именно кардерами, были сначала совершенно непонятны Семену. Однако их вскоре нашептал Кляйну один известный журналист. Западу надоел тот беспредел, который творился по его (совершенно справедливому) мнению в сфере российского хакерского искусства, и русскими спецслужбами было принято решение устроить классическую «показательную порку». О кардерах писали все причастные, мало причастные и совсем непричастные печатные издания. Русские хакеры моментально стали героями легенд и баек. Слухи о суммах, которые сумели вывести отечественные киберпреступники с пластиковых платежных карт, исчислялись миллиардами. Русская кибермафия была признана лучшей на планете. Общественность ознакомилась с десятком фамилий, которые Семен «выпиллил» из своей записной книжки примерно полгода назад.

В те времена Кляйн ходил черный.

Он прекрасно понимал, что сейчас все эти люди, о которых писали газеты, дают показания. И в показаниях этих не раз и не два будет всплывать фамилия Кляйн. И слишком мало пока прошло времени, чтобы натоптанные Семеном дорожки в этом лесу поросли бурьяном и травой.

Особенно беспокоился Семен за свою близкую дружбу с юзернеймом Urusut. С этим ником Кельвина связывало наибольшее количество подробностей его прошлой жизни. Но история Urusuta закончилась неожиданно благополучно для Семена – хакер почти сразу после ареста повесился в камере оттого, что не выдержал прессинга со стороны силовиков. Может быть, ему и помогли, потому что знал Urusut действительно много и о многих. Тем более, что был Urusut, по слухам, тесно связан с другим криминальным миром – будто бы занимался он еще и оружием.

Дальше дела Семена стали неожиданно для него налаживаться.

Из-под очевидной тюрьмы стали выбираться один за другим фигуранты «дела о кардерах». Тут Кляйн сообразил, что «дело» это в действительности было совершенно «дутым». Главной целью цель этого «дела» было заткнуть рот западной общественности. Для западных спецслужб также стало очевидно, что реальных сроков не будет. И что все те, кто попал под «каток» «дела о кардерах», теперь будут «отрабатывать» свои грехи – они будут смывать свои грехи кровью

виртуальных врагов государства. То есть наши силовые ведомства дали понять Западу, что давить на них не стоит – результат может быть совсем противоположным тому, который ожидается.

Но только через еще полгода Семен выдохнул окончательно.

Куда-то бежать из страны, в которой у него теперь был бизнес, Кляйн не хотел и не мог. Тем более, что бежать из России человеку с такой историей, как у Кельвина, было совсем непросто. Семен знал много историй, когда тех, кто пытался выехать навсегда за рубеж, «брали» на вокзалах и в аэропортах. «Брали» просто оттого, что они так непатриотично себя повели – захотели расстаться со своей любимой – с Родиной. То есть государство как бы говорило: «Мы все про вас знаем. Не рыпайтесь. Живите себе тихо и спокойно, как жили. Нужно будет – мы к вам обратимся. А может быть, и не обратимся. Но такого, чтобы к вам обратились наши недруги, такого, чтобы вы работали на них, – нет, такого не будет».

Логику поступков государства Семен прекрасно понимал. Убегающий из страны хакер, как правило, был голым и босым и не умел ничего, кроме как ломать, проникать, искать дыры и бреши. И скорее всего, этого хакера использовали бы в своих целях те, кто играет против России.

Поэтому Кельвин не бегал по известным ему адресам для того, чтобы обзавестись фальшивыми документами и поме-

нять фамилию. Он не размышлял о пластической операции, не выдумывал себе нового правдоподобного прошлого.

Семен просто каждый день после того, как прогремело дело «кардеров», седел и потел, если ему звонили с незнакомых номеров.

Кляйна тошнило от страха в те моменты, когда в дверь его квартиры кто-то звонил. Сердце Семена заходило в бешеном танце, если в его бильярдных клубах появлялись люди с военной выправкой и «светили» удостоверениями, чтобы поиграть или вовсе бесплатно, или за треть цены.

Кляйн стал каждый день пить успокоительные, у Семена обнаружился боли в сердце. Семен сделался раздражительным и невозможным в общении.

Но, как было уже сказано, через полгода после разгрома российских кардеров, Кельвин стал полагать, что его никто трогать и не собираются. Везде были свои сроки давности, и Кляйну показалось, что этот его срок прошел.

Семен сначала несмело разогнулся, потом расправил плечи, потом вернул подбородок в обычное положение. И уже через год к подчиненным на работе вернулся обычный Кляйн, смотрящий на людей открыто и весело, всегда готовый пошутить сам или рассмеяться чьей-нибудь удачной шутке.

Между тем бильярдный бизнес у Семена двигался семимильными шагами. Еще и поэтому Кляйн совсем не хотел расставаться с ним и куда-то бежать из страны. Клубов

в Москве решительно не хватало, загрузка уже у четырех заведений Кляйна была практически круглосуточная, зерно сыпалось в закрома исправно и бесперебойно. Пятый клуб Семен открывать не стал – потому что по его прикидкам еще год-два, и на рынке этих услуг обязательно должна была наступить стагнация.

Тогда они с Димой Кочетковым и задумали открыть «Колбасу».

Кочетков тоже вовремя «выпрыгнул» из темы преступлений в сфере информационных технологий. Дима точно так же долгое время не мог поверить, что его не «закроют», и потому деньги свои вообще никуда не вкладывал, а держал в темном подвале на даче отца в серебряных слитках. Толчком к тому, чтобы Дима решил все-таки вложиться в какой-то бизнес, стала следующая история.

Бывший партнер Димы по беспокойному бизнесу закопал деньги в огороде в деревне у родителей. В трехлитровых банках с капроновыми крышками. Полные трехлитровые банки пачек стодолларовых купюр. Когда пришла пора кое-что вынуть из схрона на жизнь, бывший партнер откопал сначала одну банку, в которой крышка оказалась проедена кротами, а доллары безнадежно испорченными, а потом и остальные, с которыми приключилась ровно та же история. Бывшего партнера Димы прямо с огорода увезла скорая с инфарктом. А Кочетков же подумал, что это знак свыше о том, что нужно не «морозить» нажитые средства, а куда-то их вло-

жить. Он стал искать, как пристроить свое состояние. Обратился с этим и к одноклассникам по лицу. Так Семен и Дима стали совладельцами «Колбасы».

Следующие три года прошли у Кляйна безоблачно.

Однако всему бывает конец, и однажды настал конец фарту Семена Кляйна.

Все дело было в том, что западные спецслужбы долго злила невозможность добраться до тех одаренных русских киберпреступников, к которым у них был свой счет.

Мало того, что эти люди годами в прошлом безнаказанно совершали преступления в сфере информационных технологий на Западе. Теперь эти русские нахально выезжали на отдых за рубеж, немало не стесняясь и не опасаясь возмездия, которое вроде бы должно было их там настигнуть. Возмездие было бессильно: шельмы обычно выезжали на отдых в страны, которые не имели договора об экстрадиции с США.

Но дразнить гусей можно не беспрельно, и однажды, в 2014, году эта схема поездок на отдых русских хакеров дала сбой. Как известно, если очень хочется, то даже «нельзя» превращается в «можно». И за одно лето, несмотря на отсутствие договора об экстрадиции, в своих номерах в отелях Мальдив, Таиланда и Бангладеш было арестовано и отправлено в тюрьмы США девять человек с очень громкими фамилиями. Эти люди могли многое рассказать интересного и о Семене Кляйне. Могли рассказать – и рассказали, чтобы

хоть как-то уменьшить себе сроки.

Папку с делом о Кляйне никто на Западе «под сукно» не положил. И очень скоро Семена объявили в розыск в Интерпол. Материалы о Кляйне передали российской стороне, которая и без того знала о Семене Васильевиче если не все, то очень многое. И брат его, может быть, не стала бы и сейчас, но обстоятельства больше не позволяли этого не делать. Выходило что-то совсем уж непорядочное, если человека ищет Интерпол, а человек этот управляет рестораном в центре Москвы.

И очень скоро после того, как Семена объявил в розыск, его вызвали в «контору». Там Кельвину сообщили, что можно сесть здесь, в холодной и совсем неуютной России лет на пятнадцать. А можно года на три во Франции, в более гуманных и более человеческих условиях. Разница в эти 12 лет стоила дорого – весь бизнес, который был у Семена.

Оказывается, за эволюцией Семена все это время пристально следили – утке просто давали нагулять жир.

Кляйн посидел в СИЗО месяц. Посмотрел на кошмарные условия, которые, вполне возможно, специально Семену наглядно демонстрировали. После этого месяца Кляйн понял, что 12 лет жизни стоят тех денег, что у него просят, и согласился. На этом финансовые неурядицы Кляйна не кончились – за долю в «Колбасе», что была у Димы Кочеткова, «контора» рассчиталась с Кочетковым квартирой Семена.

Трясина, в которую провалился Семен Кляйн, сначала бы-

ла по колению, потом втянула его по пояс и едва не утянула Кельвина совсем.

Yorke.

2011 год, 19 сентября

«Мы сходили в ЗАГС и подали, наконец, заявление о разводе. Как обычно в таких случаях, нам дали три месяца на размышления.

Любимая моя потрясающе быстро нашла себе новую пару, лебедушка.

И стала проводить время с Ним – полагая, что делает это тайно от меня. Достаточно быстро я разобрался, что происходит. Объяснил господину Любовнику, что возьму бейсбольную битку и усажу его в инвалидное кресло, если он так и будет меня позорить. Все-таки мы с Кристиной еще муж и жена. Дай развестись и делай с ней потом что хочешь. Господин Любовник мужчиною оказался не робким, но предупреждениям, на первый взгляд, внял. Тем более, что до официального развода уж осталось всего ничего. Однако появилась теперь еще одна головная боль – присматривать за женой, чтобы не ходила налево. Все это такие нервы, суэта. Метания, переживания и пароксизм.

От всех этих катаклизмов, неурядиц и нервов я вдруг вспомнил про то, что есть буддизм. А в буддизме есть медитация – очень эффективный способ успокаивать свой ум.

Медитация, в сущности, это наблюдение за своими мыслями и свое разотождествление с ними.

Буддистом меня назвать нельзя. Хотя я и увлекался им лет, наверное, пять – ходил в дацан, читал о нем все, что мог, смотрел лекции, слушал странствующих проповедников. Но нет, буддистом я себя назвать не могу.

В буддизм меня привели, как ни странно, байкеры. Муж и жена. Однажды они попали в аварию на мотоцикле. Жена оказалась в коме в чужой стране, надолго. И муж не сошел с ума только благодаря буддизму. На меня эта история подействовала. Я понял, что буддизм работает, увлекся им тогда на время- а потом забросил. Наверное, не было просто точек приложения для него. Теперь же вспомнил, что с помощью буддистских медитаций можно попробовать справиться с этим огромным слоном, который находится в нашей голове. Со слоном, которого сейчас необходимо привязать веревками, спутать ему ноги, не дать разбушеваться. Потому что запросто можно наделать глупостей, за которые придется потом очень долго расплачиваться.

На работе теперь вместо всяких «яплакал» и «башоргов» я снова тоннами читаю литературу по буддизму – божье ты мой, сколько же там встречается шлама. И пишут и пишут чепуху, и перепечатывают друг у друга одно и то же. И приходится углубляться в очередную какую-нибудь ахинею, пока не разберешься на надцатой какой-нибудь стра-

нице, что это ахинея.

Роман я почти дописал. Его еще нужно будет редактировать, и один только бог знает, сколько это займет времени. Делать это буду я сам. И жаль выбрасывать деньги на редактора. И после редактора нужно будет все равно вычитывать все по-новой – не выбросил ли он там чего-нибудь ценного. Тем более, что я не знаю, где хорошего редактора искать. От мира литераторов я далек.

Да и вообще. Моя книга – это, может быть, самое ценное, что я делаю в жизни. Я исполняю свое Предназначение. Мое самое большое действие, на которое я способен в жизни.

При чем здесь какой-то редактор».

Комментариев: 26. Комментировать эту запись.

Дорога от ресторана «Колбаса» до дома Севастьянова тянулась для Кляйна, кажется, бесконечно. Но так же, как заканчивается все, закончилась, наконец, и она. Въехали во двор дома Севастьянова, запарковались, и Паша заглушил машину.

– Хорошо все-таки, что мне почти никогда не приходилось ездить по Москве, – сказал Семен. Дорога заняла почти два часа.

– Кабы ты, Кельвин, встречу нашу не в «Колбасе» назначил, а где-нибудь поближе ко мне или к моей работе, все было бы много проще, – ответил Сеов и улыбнулся.

Павел был прав. И Кляйна укололо понимание того, что он, в сущности, крайне эгоистичный человек. Семен, натурально, не имел и мысли о том, чтобы назначить встречу как-то поудобнее для Паши. Неприятнее всего в эгоизме Кляйна было то, что Семен его нисколько и не замечал.

У Кельвина зазвонил телефон. Семен удивился – никаких звонков ни от кого он сегодня не ждал.

– Ух ты, – Павел подивился не тому, что у Семена уже есть подключенный телефон. А тому, что на него уже звонят. – Неужели старый номер сохранил?

– Старый, – глядя на экран, ответил Семен.

Павел не выходил из машины, и Семен понял, что Сева-

Стевянову стало любопытно, кто может позвонить человеку, который четыре часа назад подключил телефон после трехлетней отсидки в тюрьме. Такое любопытство было неприятным Семену. Поднимать телефон он не спешил.

– Не из наших кто? – Кельвин понял, что Севастьянов думает, что звонит кто-то из лицеистов.

– Хрен его знает, – ответил Кляйн. – Подавленный номер. Не люблю я такие звонки.

– А, – сказал Паша.

Телефон в руке Семена проиграл еще раз мелодию из полунинских Blue Canary и стих.

– Ну что, может, на чай заскочишь? – спросил Паша. – Сколько лет у меня не был.

Семен вспомнил Пашину квартиру, Пашину жену и Пашиных детей.

– Люба тебе рада будет, – сказал Сеов. – Дети уже, может быть, со школы пришли, сколько там времени?

Паша посмотрел на приборную доску.

– Почти три. Нет, детей еще, наверное, нет, – сказал Сеов. – У одного сегодня шахматы. У второй рисование.

Семен неплохо помнил детей Пашки – Мишу и Машу. Однажды Кляйн охарактеризовал их как «психоделические дети». Севастьяновым это определение понравилось. Дети и впрямь были с той необычной сумасшедшинкой, которая сразу отличала заурядного человека от незаурядного. Особенно этим выделялся младший, Миша.

– Это в каком Миша классе-то, дай угадаю. Во втором? – спросил Кляйн.

– В четвертом, – сказал Павлик.

– А... – ответил Семен. – Ты знаешь, как-то хочется уже поскорее в какой душ, что ли.

– Понял, – сказал Сеов. – В общем, хорошо, я на три минуты. Ключи от дачи возьму, и алга.

Семен вспомнил, что Севастьянов еще в лицее использовал в общении татарские слова. Поискал, что тут можно сказать в ответ, но ничего не нашлось. «Зур рахмат» и «котокчыч», которые припомнил Кельвин из татарского, никак в этой ситуации не подходили.

– Давай, – сказал Кляйн. – Жду.

Когда Павел скрылся в подъезде, телефон у Кляйна снова зазвонил. Семен поднял брови. Такой популярности в свои первые часы пребывания в городе он от себя не ожидал. Кляйн в задумчивости посмотрел на номер, потом поднял трубку и ответил.

– Алло.

– Алло, – сказала трубка женским голосом.

– Привет, – поздоровался Кляйн.

– Привет, – ответила трубка и взяла небольшую паузу.

Семен тоже не нашелся, с чего начать разговор.

– Чего сам не звонишь? – спросила трубка после молчания.

– А ты откуда знаешь-то... – поинтересовался Семен. –

Что я приехал?

– В новостях передавали, – ядовито объявила трубка. – По радио.

– Да? – удивился Кляйн. – То-то я смотрю, телефон не умолкает. А оно вон что.

– Ага. И в газете «Известия» было, на первой странице: «Семен Кляйн прибыл в Москву».

Семен засмеялся. Это звонила Оля Савина. Их отношения были странными в последние годы, но тем не менее эти отношения были и окончательно они не разваливались.

– Так что, – спросил Кельвин. – Заезжать? Я с Пашкой тут езжу. С Севастьяновым.

– Ишь. Скорый какой, – ответил Ольга и немного подумала. – «Заезжать»... Впрочем, тебе везет, Кляйн. Мне сегодня на работу не надо. А завтра суббота.

– Другими словами – заезжать? – снова спросил Кляйн.

– У меня денег нет, если что, – сказала Савина. – Совсем.

– Как будто у тебя они когда-то были, – сказал Кляйн.

– Ну я ж не знаю, – сказала Савина. – Вдруг ты на меня рассчитываешь.

– Нет, не рассчитываю, – сказал Семен. – Я у Пашки в долг взял.

– Через сколько мне выходить? – спросила Ольга.

– Да какие-то пробки в этой вашей Москве... – сказал Кельвин. – Непроходимые. Не угадаешь, через сколько мы будем. Давай я минут за десять до нашего явления перезво-

ню.

– Ну, хорошо, – ответила Оля. – Рада тебя слышать, кстати, Кляйн. Что-то забыла сообщить тебе об этом.

– И я рад тебя слышать, Савина, – сказал Семен. Из подъезда показался Павлик. – В общем, мы выезжаем. Давай, на беру.

– Давай.

Кляйн повесил трубку.

Сеов подошел к машине, открыл багажник, поставил какую-то сумку.

. – Это Люба тебе собрала, – Паша кивнул на сумку. – Что в холодильнике было. Чтоб тебе по магазинам по приезде не метаться.

– Спасибо, – Кляйну стало как-то очень тепло на душе.

– Что, таки поднял трубку? – Павлик, наверное, видел, как Семен разговаривал по телефону.

– Нет, это уже Савина звонила, – ответил Семен. – Оля, помнишь?

– Ну еще бы не помнить, – ответил Павлик и закрыл багажник. – Сама, что ли, позвонила?

– Сама, – ответил Кляйн.

– Откуда это она узнала, что ты прилетел?

– Ребус пока, – ответил Кляйн. – Я думал, как раз ты его поможешь разгадать.

– Не-а, – протянул Сеов.

– Заедем за ней? – Семен вспомнил свои совсем недавние

страдания о том, как долго и мучительно они передвигались по Москве. Ему стало неловко, и он добавил: – Это вроде как и по пути?

– Ну конечно, теперь уже по пути, – засмеялся Павел. – По-моему, даже если бы она в Обнинске жила – это было бы по пути.

Семен тоже улыбнулся. Сели в машину, Севастьянов завелся, и они поехали.

Выехали из «спальника» Паши – ближе к центру Москва опять стояла. Кляйн закрыл глаза, чтобы подремать. В полудреме Семен вспомнил, что с Ольгой Савиной он познакомился в одной соцсети, когда писал туда под псевдонимом... а-а-а-а, не важно, под каким псевдонимом. Никто в той сети и предположить не мог, что за этим псевдонимом скрывается один из самых ловких киберпреступников современной России.

Ольга Савина обитала в той же соцсети, словом владела, писать любила и писать умела – она была журналисткой. Чувство юмора пробивалось через буквы Савиной постоянно, и Кельвину сразу понравилось общение с Ольгой.

Но если для Семена это было самым обычным приключением с девушкой, каких он планировал в своей жизни еще сотни, то Савина влюбилась. Влюбилась неожиданно для самой себя и долгое время не хотела самой себе даже в этом признаваться. Перед отношениями с Семеном у Савиной случилась не очень приятная история замужества, а потом и еще более неприятная история развода. После всего этого Ольга решила, что сердце свое нужно беречь и не надирать. А то можно надорвать и до смерти. Тогда, в замужестве, импульсивная Савина едва не довела себя до этого. Но как-то обошлось.

Материальное положение Ольги после развода стало совсем незавидным – теперь ей приходилось снимать квартиру, а чаще комнату, в Москве – родители Савиной были из Коломны. Ольга же жила в соответствии со своим принципом о том, что работа должна быть в первую очередь интересной и нравиться. И только потом все остальное, что стоит за словом «работа», – деньги, премии, бонусы или другие какие материальные профиты, которые работа могла принести.

Потому работать обозревателю культурных событий Ольге Савиной выпадало чаще на совсем небогатые, бюджетного типа, издания.

Семен Кляйн узнал об этих подробностях жизни Ольги только через месяц после уже самого близкого, самого тесного с ней знакомства. Кельвин снял Ольге на полгода квартиру, Савина, стесненная тогда в деньгах сильно и порой не знавшая, чем кормить кота, согласилась – хоть и подумывала о том, что все отдаст Кляйну, когда разбогатеет.

Но после первого же скандала, когда Семен ушел и не объявлялся неделю, Ольга подумала о том, что пошел он, собственно, к черту, этот Кляйн.

Потом, в течение этого полугода, на который была снята квартира, они ссорились и мирились еще раз пять. В последнюю ссору Савина объявила Семену, что продлевать аренду квартиры не следует. Безденежная, но гордая Ольга не любила, когда за нее платит не известно кто. А статус отношений с Кляйном постоянно вылетал за пределы отношений

нормальной пары.

Однако после очередного замирения с Ольгой Кляйн дал взятку кому следует, и еще даже до конца срока аренды квартиры у Савиной образовалось жильё в общежитии. Небольшое, но уютное. И самое главное – свое. От одного из государственных периодических издательств, в котором работала Ольга уже несколько лет.

Потом Семен и Оля встречались и расставались еще семь лет.

За эти семь лет Савина один раз собиралась выброситься из окна, трижды разбивала всю посуду в доме Кляйна, однажды вывернула на голову Кельвину огромную миску салата и еще один раз даже стояла у шеи Семена с ножом. В общем, эта пара жила полной жизнью.

Кляйн был неисправим. Одной девушки ему всегда было мало. Из-за этого они постоянно расставались. Ольга тоже в моменты разлуки не отказывала себе в мужском общении. Может быть, еще поэтому отношения их были так длительны – Оля и Семен никогда не опротивляли друг другу окончательно. Они никогда не были супругами, потому до трех долго не считали и расставались при самых первых запахах жареного. Раз шесть за эти годы они расставались навсегда. После ножа Семен поклялся всем, что у него есть, что это было последнее расставание – тогда они не общались восемь месяцев. Но в конце концов, так или иначе, они постоянно оказывались снова вместе.

Пока однажды Семена Кляйна не поместили сначала в СИЗО, а потом не экстрадировали во Францию.

Когда Кельвина посадили, Семен и Ольга как раз были в ссоре. Поэтому Ольга узнала обо всем этом от общих знакомых уже только тогда, когда Кляйн пробыл во Франции полтора месяца. Никто не знал способа связи с ним. Савина пыталась найти какой-то канал через своих знакомых – и, конечно же, не нашла.

Про Семена у Ольги теперь была только одна полезная и важная информация – день, когда начался его тюремный срок. И если бы Семена не освободили досрочно во Франции, Ольга с точностью до дня легко могла посчитать день, когда Кельвин выйдет.

Семена Кляйна досрочно не освободили.

Yorke.

2012 год, 19 марта

«Второго марта развелись.

Попил я недельку после развода.

Попил вторую. Начал и третью пить.

Но чувствую – дела мои лучшие от этого не становятся.

А только хуже и хуже все.

«Эге, – думаю я на третью неделю после развода. – Эдак мне скоро совсем будет каюк. К бабке даже не ходи, ясно это, как день».

Задумался, делать что. Крепко так задумался. Как-то не охота мне еще, чтобы каюк.

Стал дела вспоминать, какие у меня вообще остались. Про роман вспомнил. Достал роман свой, отряхнул.

Ну и сел роман свой ковырять.

Я его дописал уже несколько месяцев назад, никак не мог к редактированию приступить. Вот, представился случай.

И что вы думаете?

Вытащил, потянул меня к свету роман-то мой. Увлёкся я как-то незаметно редактированием. Смотрю на героев своих, погружаюсь в тот мир, что выдумал. Рихтую роман со всех сторон, героев этих, значит, подшаманиваю.

Там краски наложил, тут косметики, в этом месте живот убрал, здесь мышцы добавил. Буквы стираю, буквы добавляю, части романа разбираю, по-новому складываю, главы местами переставляю. Смыслы переписываю, мотивы обнажаю.

И получается!

Знаете, получается!

Во-первых, заблестел мой роман, как будто вымыли его чисто, а потом пастой ГОИ натерли. А во-вторых и в главных, ребята, пить мне больше не хочется, вот что. Ну не то, чтоб совсем не хочется, тут уж я бы наврал. Но про развод этот дурацкий мыслей нет, про жизнь мою неудавшуюся, про череду неурядиц какую-то, что меня в последние годы преследует, – это все как сдуло, понимаете?

Ни сын мой родной, ни работа, ни увлечение новой бабой, ни родители – мне кажется, никто бы меня из этой ямы не вытащил.

Только роман смог. Трактором, знаете, прицепил и потащил обратно. Жить.

Вполне может быть, что и буддизм мой еще какое-то влияние оказывал.

Буддизм ведь я не оставил, а наоборот. Ламрим углубленно изучать стал. В Малом Ламрime, что я читаю сейчас, 704 страницы. Сколько в большом – и подумать боюсь.

Вчера вот про шесть миров, что сансару наполняют, читал.

По буддизму, всего во Вселенной есть шесть миров: мир ада, мир голодных духов, мир животных, мир людей, мир асуров и мир дэвов (богов). И вот что интересно – если про первых четыре мира представление у буддистов достаточное – на сотню почти страниц представление. То про мир богов и асуров почти нет ничего – все что есть, уместилось на полстраницы. Ничего не известно практически. Надо будет в Большом Ламриме посмотреть, конечно, но сдаётся мне, что и там ничего не будет.

Загадка какая-то.

В общем, жизнь продолжается, смайл. Всех люблю вас здесь))).

Комментов: 14. Комментировать эту запись.

Дача Севастьянова размахом воображение не поражала, но и вспоминать про пана Тыкву с его домиком поводов не было.

Паша подъехал к воротам своего участка, открыл их, въехал по дорожке к гаражу и заглушил машину. В молчании, которое на несколько секунд сейчас повисло, Семен ясно себе представил, каково тут летом, тихими вечерами, насыщенными хвойным запахом воздуха.

– Хорошо? – улыбнулся Павлик Семену.

– Хорошо, – согласился Кляйн.

Периметр участка дачи защищали штук 200 туй и еще каких-то хвойных деревьев, названия которых Кляйн когда-то знал, но забыл. Все они были еще молодыми, но уже создавали на даче Павлика тот уют, который огораживает пространство своей территории от пространства остального мира.

– Когда один приезжаю, почти никогда машину в гараж сразу не ставлю, – сказал Севастьянов. – А вот так вот сижу и слушаю эту тишину вокруг. Дышу.

– Не будем нарушать традиций, – подала с заднего сиденья голос Оля Савина. – Я тоже сейчас так хочу. Хочу только слушать и дышать.

Паша улыбнулся.

– Ты не умеешь, Савина, – сказал он. – Просто дышать

и слушать. Тебе жизнь подавай.

– Специалисты по Савонаролям на пороге, – проворчала Савина и выбралась из машины. Все в компании Кляйна знали Олю под этим ником, которым Савина пользовалась для самоназвания в соцсетях. Порой называл ее так и Семен.

Павлик тоже открыл дверь машины, вышел и потянулся. Вышел и Семен.

Несмотря на февраль, во дворе стояла здоровенная наряженная ель. Судя по ее размерам, Павлик купил участок уже вместе с этим деревом.

Семен задумался о том, как же Севастьяновы наряжали эту елку. На первый взгляд казалось, что для этих целей понадобился вертолет. Зато дети Павлика будут помнить это приключение всю свою жизнь.

– Ну что, пошли в дом? – сказал Паша.

– Ага, – ответил Кляйн.

Семен поднялся по лестнице, открыл дверь, и они вошли в дом. Дача Севастьянова состояла из двух этажей и семи комнат. Кляйна удивили аж две ванных на первом этаже.

– Ну, у меня же трое детей, – ответил на вопрос об этом Севастьянов. – Плюс гости частенько остаются.

Павлик ввел Олю и Семена в первую от лестницы комнату.

– Вот, – сказал он. – Это ваша гостевая.

Комната была обставлена без шика, но со вкусом.

Семен, который только что узнал, что у Севастьяновых

уже трое детей, сказал:

– Хм. Трое. Кто третий, мальчик?

– Забыл тебе сказать, да... – сказал Сеов. – Мальчик.

– Интересно, как назвал. Давай угадаю, – сказал Семен. –

Если Миша и Маша, то пусть будет...

– В жизни не догадаешься, – улыбнулся Севастьянов. –

Гриша.

– Да уж, – ответил Семен. – Не догадался бы. А почему?

– Когда жена была на последних месяцах, – ответил Павел, – Мишка притянул из сада считалку «Мишка, Гришка и Щипай ехали на лодке. Мишка, Гришка утонули. Кто остался в лодке?»

Павлик сделал паузу. Он ждал ответа.

– Щипай? – предположил Семен.

– Вот. Когда я так отвечал, Мишаня в восторге бросался ко мне и начинал щипать. Ну и после этого мы с женой решили, а почему бы и не Гриша? В конце концов, разве это не звучит? Миша, Гриша и Маша?

– Ну знаешь ли, – пробормотал Семен. Он хотел сказать, что Мишка и Гришка в считалке утонули, но не стал этого делать – ребенка все равно уже называли так, как называли.

– Подходяще, – сказала Савина.

– Во-о-о-от, – протянул Севастьянов. Вышли из гостевой и пошли по второму этажу. – Здесь кухня. Здесь бойлерная, – показывал Паша. – Если вдруг отключат электричество – а такое здесь бывает, – то вот тут включается резерв-

ный генератор. Позвонишь мне, я объясню, что да как.

Еще некоторое время Сеов разъяснял постояльцам, откуда что берется в его хозяйстве. Потом все втроем вышли на улицу к машине.

– Ну что. Две недели у тебя здесь есть точно, – сказал Сеов. – А там по обстоятельствам. Обычно мы с начала марта начинаем уже ездить на дачу семьей. Но сам понимаешь, все решаемо.

– Спасибо, Пабло, – сказал Кляйн. – С меня бутылочка.

Кельвин произнес это именно так – «бутылочка». Выражение пошло еще с лица. На уроке биологии учитель – бывший моряк – так иногда благодарил за что-нибудь лицеистов – оттуда и пошло.

Попрощались. Затем Севастьянов сел в машину и стал задом выезжать с участка. Семен пошел следом. Поднял на прощание руку.

Сеов выехал за ворота, Семен стал за ним запирать, когда в мобильном его снова раздался звонок. Кляйн посмотрел на имя звонившего абонента, и у него потеплело на душе.

– Да, Баргуджан, – поднял он трубку.

– Здравствуй, дорогой, здравствуй! – зашумела в ответ трубка кавказским акцентом.

– Здравствуй и тебе, Баргуджан, – ответил Семен. – Рад слышать тебя.

– А я как рад, дорогой! – закаркала трубка так, как будто говорила не на русском, а на грузинском языке. – Семен, я

из Москвы выехал, координаты кинешь или как нам быть?

– Да, сейчас дам, – ответил Кляйн. – СМС пришлю. Мы сами только вот приехали на дачу к Пашке.

– Ну давай, до встречи, жду СМС, – акцент был слышен у Баргуджана всегда. Но был этот акцент каким-то странно-ватым, будто нарочитым, будто собеседник обозначал свою принадлежность к кавказцам, а на самом же деле, казалось, мог говорить без акцента вовсе.

– Да, пришлю, минуту, Баргуджан, – сказал Семен.

– Давай, дорогой, – сказал кавказец и положил трубку.

Семен нашел координаты дачи Севастьянова в телефоне и сбросил СМС.

– Кто это еще? – Савина сидела в беседке и шурилась не по-февральски яркому солнцу.

– Это друг, – ответил Кляйн. – Должен кое-что привести.

– Да? – спросила Савина. – Что же он должен привести?

Yorke.

2012 год, 28 сентября

«Вы знаете, оказывается, в стране сейчас какое-то огромное, я бы сказал даже, какое-то неприличное количество писателей.

Мне кажется, дело в том, что это оттого, что в стране растет не только уровень благосостояния – граждане точно так же прирастают и умом.

Лет пять назад умнеющее население страны валом повалило в менеджеры среднего звена. Все не деталь у станка точить. Не сталь лить в кокиль, не на башенном кране целый день ручки вертеть на верхотуре.

Время прошло, прогресс прет – еще поумнели.

К черту этот дурацкий офис, графики прироста продаж и дурака-начальника. Не удобнее ли сидеть дома, нажимать на клавиши и этим зарабатывать на жизнь? Расходов никаких, сейчас даже писчая бумага не нужна.

Хотя поначалу все-таки придется совмещать. Днем с дураком-начальником, вечером – творить.

Творить, к слову, стали многие из тех, кто пять лет назад пошли заседать в офисах.

У них сил много.

Попробуй потвори после того, как тротуарную плитку целый день укладывал или обваливал и разделявал коровьи туши с девяти до пяти, с получасовым перерывом на обед. Сложно. Сложно после всего этого творить. А вот после офиса – нормально.

Ну и все логично: работников офисного труда в стране было с избытком и писателей получилось тоже занадто.

И все бы ничего, ребята, кабы не один такой момент – совершенно пропал сейчас такой класс, как бесплатный издатель.

Раньше оно ведь как было: писатель писал и получал за это деньги.

Сейчас почти что наоборот: писатель написал, отнес в издательство, заплатил туда свои кровные, ему через месяц из издательства выдали книги – иди, реализовывай, богатей. Оно вроде все и правильно, вроде как если уж взялся писать, то отвечай за свой труд самостоятельно. Только теперь давайте посмотрим на все это дело со стороны читателя.

Читатель пришел в книжный, там стоят на полках ровными рядами произведения поумневших офисных работников.

Фамилии все незнакомые.

Читатель подошел к полке, открыл одно произведение – закрыл. Плохо. Второе открыл – закрыл. Плохо. С третьей и четвертой книгой тоже попытки очень так себе вышли.

Читатель с тоской на ряды полок, уходящие вдаль, смотрит, потом разворачивается и идет в развалы классической знакомой литературы. Выбирает себе там из проверенного и гарантированного, покупает и уходит.

Безусловно, талант – это вода – он всегда найдет себе дорогу.

И если я не талант, если не найду этой своей дороги – значит, я просто из рядов этих вот псевдописателей, вообразивших о себе менеджеров среднего звена.

Но вот какая здесь штука: если раньше я ничего за такую ошибку заплатить не был должен, то теперь меня ждет штраф. Штраф крупный, я вам скажу. Для того, чтобы мне сейчас напечататься, я должен продать машину. Потому что денег в жизни почти не копил – я плохой, негодный менеджер среднего звена. Если окажусь еще одновременно с этим и плохим писателем – ищите меня умершим от истощения по адресу город Москва, улица Малыгина, дом 10, кв. 109. Прямо на кровати и ищите. Потому что без машины я на работе не нужен, с работы я увольняюсь. Можно, конечно, пойти почтальоном или полы мыть. Но мне кажется, что если писатель я никудышный, то выбирать все-таки нужно будет истощение.

Но вы знаете... Я верю, что получится. Хотите знать почему?

Я вам скажу.

Потому что начало сбываться.

Многое из того, что я писал в романе, оно начало сбываться.

Знал бы прикуп – жил бы, конечно, в Сочи. Можно и сейчас сделать такую попытку – сесть и написать по-быстрому роман о том, как я, к примеру, внезапно сказочно разбогател. Только сами должны понимать: Мироздание – оно так не работает. Мирозданию нужен посыл. Мощный, сокрушительный, зубодробительный посыл. Чтобы сама реальность меняться стала от того, что ты написал. Или, может быть, не меняться, а формироваться.

Ты должен так это все пережить, так за своих героев хотеть должен, зубы у тебя от этого желания крошиться должны – тогда только сработает.

А разве у меня крошатся зубы, когда я о богатстве думаю?

Да нет, конечно.

Комментов: 15. Комментировать эту запись.

Душ неизменно действовал на Семена животворяще. Он вышел из ванной, освеженный и обновленный, переоделся в простенькие вещи, которые ему выделил Паша из своего дачного гардероба, и пошел к Савиной, где она распаковывала сумку с продуктами, что передали Севастьяновы.

Кляйн вошел в кухню, посмотрел на стол, который уже успела накрыть Ольга, и протянул удивленное «да...»

– Что такое? – спросила Оля.

– Неужели все это может находиться одновременно в холодильнике одной семьи? То есть я, конечно, благодарен Любе и все такое, но... Может, они к празднику какому готовились?

– Я думаю, Сема, ты просто отвык от изобилия, которое сейчас в почти любом российском холодильнике, – ответила Савина. – Ну и потом, нельзя забывать, что Пашка уже человек состоятельный. Ничего экстраординарного я здесь не вижу. Подумаешь, икра. Подумаешь, балык. Детей-то кормить чем-то надо каждый день.

– Точно, – сказал Семен. Он налил себе и Савиной в бокалы коньяк. – Но как бы там ни было – давай, за них, за Севастьяновых.

– Давай, – Савина подняла бокал.

Кляйн опрокинул в себя коньяк, посмотрел с небольшим

удивлением на бокал и поставил его на стол.

– А ты знаешь, я вот только что осознал, что три года ничего не пил, – удивление Семена было вызвано забытым вкусом. – Вообще ничего из алкоголя. И не вспоминал даже. Травой, было, баловались. Да... А про алкоголь так вот даже и не вспоминал.

– А что там с травой? – удивилась Ольга. – Неужели проще, чем алкоголь раздобыть?

– Конечно, – сказал Семен.

Кляйн закусил бутербродом с красной икрой, протянул вилку и наколот себе несколько кусочков бастурмы. Только сейчас Кельвин понял, насколько он голоден.

– Ну, рассказывай, – Семен закусил бастурмой и стал сооружать себе огромный бутерброд из лаваша, зелени, балыка и сыра. – Как у вас тут вообще дела?

– Ну как-как, – ответила Савина. Она взяла себе ветку винограда и отщипнула несколько ягод. – Самое, наверное, яркое – эпидемию коронавируса в двадцатом пережили. То еще было развлечение.

– Сама не болела?

– Не-а, – ответила Савина. – Но надоело это все до жути. Все эти маски, перчатки, невозможность общаться с другими людьми. Ну и работы, сам понимаешь, было – кот наплакал. Хорошо, тогда редактором еще подработать удалось, так бы с голоду померла.

– Вот прям бы померла?

– Ну да. Отменили же почти все культурные мероприятия, чего мне освещать? Часть журналов вообще тогда закрылась.

Тут у Кляйна зазвонил телефон. Он посмотрел, кто звонит, и поднял трубку.

– Да, Баргуджан, да, дорогой! – сказал Семен в телефон. – Через три минуты? Хорошо, уже выхожу, дорогой, да.

Кляйн повесил трубку, откусил от сооруженного бутерброда сколько смог, встал и пошел искать ключи от ворот.

– Ну, а в остальном как? Неужели ничего не было, кроме эпидемии? – Семен нашел ключи в куртке, которую бросил в коридоре. Посмотрел на них, повспоминал, какой из них от ворот. – Пойдем Баргуджана встречать.

– Пойдем, – согласилась Савина.

Они вышли из дома и пошли по плиточной дорожке. Семен пытался разгадать, что за рисунки были на плитке, но так и не понял – рисунки одновременно напоминали и сказочных драконов, и китайские иероглифы.

– Ну что еще было, – сказала Ольга. – Байк освоила вот. Получила права на него. Правда, своего так и не купила... Не придумала, где мне его держать. На улице быстро уведут. Да и дорого.

– Оу, – сказал Кляйн. И с совершенно неподдельным интересом уточнил: – На чем же байке ты тогда ездила, у кого училась всему этому?

– Ты его не знаешь, – усмехнулась Савина.

Они шли к воротам, и где-то совсем рядом с ними шла

пауза, которая никак не хотела ничем заполняться. Ольга не стремилась ни к каким оправданиям. Кляйн ничего не спрашивал уточняющего.

– Летом девятнадцатого года в поход ездила, – сказала Оля. – С байдарочниками, в Карелию, на сплав. Было круто, историй оттуда привезла – на книгу.

– Ну, и что книга? – спросил Семен. Хотя в голове Кляйна сейчас вертелись совершенно другие вопросы. – Удалась?

– Нет. Часть этих историй я записала, – сказала Савина. – Знакомым понравилось, особенно тем, которые в тех походах участвовали. Часть историй забылась. Книги, конечно же, никакой не вышло.

Семен открыл замок, распахнул ворота.

За воротами стоял какой-то не черный даже, а вороненый линкольн. Его ксеноновые фары ослепили Кляйна, и он поднял руку, защищая глаза. Только тогда водитель догадался потушить свет.

Из машины со стороны пассажира тяжело вышел такой же весь черный и вороненый, как и машина, которая его привезла, могучий и статный человек, одетый в длинный плащ. Человек распахнул свои объятия.

– Вай, Кикос!

– Вай, синок!

Это было их личным приветствием, только их двоих – Бауырджана Самани и Семена Кляйна. Однажды за долгим праздничным столом они выяснили, что оба смотрели этот

мультфильм и что оба любят этот мультфильм. Тогда же они решили, что теперь будут приветствовать друг друга только так. Обычно такие вещи забываются, но эта не забылась.

Бауырджан и Семен обнялись, и Ольга заметила, насколько отличались эти объятия от тех, которыми Кляйн обменивался с Севастьяновым.

– Добрый день! – сказал Самани, обращаясь к Ольге.

– Оля Савина, – представил девушку Кляйн. – Все вместе – Савонароля.

– Мэ вар Бауыржан, – раскатисто, густо объявил Самани и ткнул себя в грудь. – Он, – теперь гигант ткнул пальцем в Кляйна. – Он называет меня Баргуджан. Говорит, что не может произносить «Бауыржан». Ты попробуешь сказать «Бауыржан»?

– Бауыржан, – неуверенно сказала Ольга.

– Bravo! – исполин, кажется, специально подбирал такие слова, чтобы в них встречались или рычащие или каркающие звуки. – Bravo, Савонароль!

Кажется, Самани решил, что это фамилия Ольги. Она не сочла нужным его поправлять. Гигант развернулся и пошел к багажнику. Семен отправился за ним.

– Знаешь, – говорил по дороге Бауыржан. – Сначала я хотел привезти тебе шесть аппаратов. На выбор! И я думал, что мы будем стоять с тобой, как два мафиозо перед багажником, и ты такой будешь выбирать себе оружие. Ты будешь доставать такой: «Это Glock 17», – Самани распахнул багаж-

ник. – Ты будешь капризничать, говорить: «Нэт, не подойдет». «А это Desert Eagle», – скажу тебе я, ты ответишь: «То же не годится». И я бы тебе что-то такое предложил, и ты бы ответил: «Это вот вещь, это я беру». Ты бы так сказал.

Кляйн рассмеялся.

– Но потом я решил, зачем мы будем делать этот цирк? Я решил, привезу своему другу самое лучшее, что у меня есть. Знаешь, что я сказал менеджеру, которому поручил собрать тебе ЭВМ?

Бауыржан достал большую коробку и похлопал по ней ладонью – так кавказцы хлопают по спелому арбузу.

– Не знаю, – сказал Семен.

– Что если мой друг не будет доволен этой машиной, то и я не буду доволен.

– Ясно, – сказал Семен.

– Да, – сказал Самани. – Я думаю, что и ему было ясно.

– Такую большую диагональ, может быть, и не надо было, – Семен принял коробку из рук Бауыржана.

– Много – это не мало, – сказал Самани. – Отрежешь, если будет лишнее.

Кляйн засмеялся.

– Ну что, зайдешь, Баргуджан? – спросил Кляйн.

– Нет, дорогой, сегодня не зайду. Я очень хочу зайти, мы так давно с тобой не виделись, но еще много дел, ждут люди, понимаешь? Будем на звонке, да?

– Да, – ответил Семен. – Я вот думаю, стоит ли спросить

про то, сколько я тебе должен?

– Если ты хочешь меня обидеть, давай, спрашивай, – поднял руку гигант. – Давай-давай.

– Нет, Баргуджан, – сказал Семен. – Обидеть тебя я не хочу.

– Тогда хорошо, – сказал Самани. Он повернулся к Оле. – Савонарол!

Исполин поднял руку в кулаке, прощаясь с Ольгой. Савина подняла свою руку в ответ.

Самани и Кляйн еще раз обнялись, потом Бауыржан сел в машину на свое место, водитель дал задний ход, и машина скрылась в темноте.

– Ноутбук? – спросила Ольга.

– Да, – ответил Семен.

Они зашли обратно на участок, Семен прислонил коробку к дереву, закрыл ворота и стал запирать замок.

– Колоритный персонаж, – сказала девушка. – Но Бауыржан – это разве грузинское имя?

– Не-а, – Кляйн справился с замком и подхватил коробку. – Бауыржан – это турецкое имя. Мама у Самани турчанка. Папа грузин. И еще мне чего-то мерещится, что какая-то из бабушек у Самани еврейка.

– Почему? – спросила Ольга.

Семен подхватил коробку с земли, и они пошли обратно к дому.

– По тому, как он ведет дела, – ответил Кляйн.

– Он торгует оргтехникой?

– Сейчас да, – ответил Семен. – Все мы сейчас чем-то торгуем. Я общепитом торговал, Севастьянов продактплейсментом, Бауыржан оргтехникой. Измельчали и выродились.

Видимо, встреча с Самани всколыхнула какие-то воспоминания у Кляйна и бросила их поверх алкоголя.

– Но ничего, – сказал Семен, открывая дверь в дом. – Мне кажется, еще пошумим.

Yorke.

2013 год, 01 сентября

«Миша из приличной семьи.

Дед у Миши с госпремией СССР.

Мать Миши – художественный руководитель театра, отец – художник в кино.

Миша сидел в тюрьме за бандитизм в девяностых, потом Миша владел большим бизнесом в нулевые – он снимал телевизионные проекты для государственного ТВ. Именно тогда Мишу «вставили» на миллион долларов.

С ним не рассчитались.

Тогда Мишу чуть не убили, странно, говорит, что не убили. Стольким оказался должен. Но из ТВ-бизнеса Миша после этого случая, конечно же, ушел.

Миша крепкий.

Миша поднялся из нокаута, в котором оказался – и теперь Миша торгует книгой. У Миши большой книжный магазин в Москве. И Миша еще немножечко шьет – у него небольшой издательский дом. Издает в основном людей приличных – местных значительных поэтов и прозаиков. Немного Миша издает и оппозиционную литературу. Дело даже не столько во взглядах, просто пацаны нормально

платят.

Миша – мой издатель, он взялся за мою книгу.

Своего издателя я выбирал долго.

Когда на руках есть пять тысяч долларов, выбирать легко. Легко капризничать, воротить нос: это не хочу, то не буду. И это даже не про то, чтоб «целуйте меня везде». Просто хочется какого-то гарантированного результата. Потому что пустобрехов в мире книжного дела хватает. Даже с горкой. Некоторые обещают мировое имя сразу, без размышлений. Некоторые сулят невиданные продажи – они, мол, на этом собаку съели. Иные и вовсе видят меня лауреатом Нобелевской премии по литературе. Но у всех у них в глазах отражаются только те самые пять тысяч баксов. Отражаются ясно, нужно только немножечко приглядеться.

Не хотелось бы бахвалиться, но обмануть меня сложно.

Ребята, я ведь кроме того, что писатель, я ведь в продажах проработал десять лет. Что, кому и как втюляют, я знаю.

Я вижу, с чего вы кормитесь. Я вижу, что вас интересует в первую очередь. Я знаю, что самые «жирные» и самые прибыльные сейчас заказы – они от графоманов, которых вы привыкли разводить. Я вижу, что плевали вы на результат и на мои продажи. Как только вы мне отдадите книгу, как только я подпишу акты приема, вы забудете про меня. Я еще, кажется, даже не успею выйти из комнаты.

В 95 процентов случаев деньги, которые вкладывает в издание книги графоман, он больше не увидит никогда. Такие красивые, такие милые, такие славные деньги уплывают от него навсегда. И обычно задача издателя – убедить графомана в обратном. Задача издателя убедить графомана в том, что тот свою книгу продаст, весь тираж, обязательно.

– Еще, выходит, заработаю? – сомневается графоман.

– Ну, – сдает немного издатель назад. – Заработать получится только при благоприятных раскладах. Но уж вложения, вложения вы отобьете наверняка. Железно! Железобетонно!

Вообще, задачу издателя можно поставить шире – его задача убедить графомана в том, что он не графоман. Все это я понимал и сам, и в подтверждение моим мыслям все это мне рассказывал Миша за коньяком у меня дома.

Сложно сказать, может быть, Миша пьет коньяк дома у всех графоманов и всем графоманам раскрывает схемы развода графоманов. Но он сумел создать у меня такое впечатление, что нет. Ну и есть один большой момент во всем этом деле – Миша готов за свои деньги издать половину тиража моей книги. Чтобы продавать потом в своем магазине. Это такой сильный нюанс. Убедительнее любых слов.

Знаете, есть много щенячьего восторга от того, что твоя книга увидит свет в бумаге. Она станет, наконец, Книгой. Не символами на экране монитора, а именно книгой. Я

хочу его пережить, этот щенячий восторг.

Миша обещал мне широкую презентацию на своих площадках, обещал познакомить с десятком владельцев частных книжных для того, чтобы моя книга продавалась в их магазинах. Также он объяснил схему, по которой книга продается через государственную сеть. Миша говорил про пиар-кампанию, но на это у меня бюджета, к сожалению, уже нет.

А.

Есть еще такой любопытный факт: мой почтовый ящик теперь до верху завален деловыми предложениями от Союзов писателей, которых, по-моему, сейчас не меньше десяти. И там тебе и интернациональный, и международный, и национальный, и каких только нет еще. Я научился все эти деловые предложения сразу же проматывать до конца. Потому что в самом конце, как правило, Союз писателей такой-то переходит к сути – пишет сумму денег, которую нужно внести за участие в биеннале, конференции, конкурсе, выставке или фестивале. Аппетиты писательских союзов самые разнообразные. Не встречал я, пожалуй, только ничего совсем уж бесплатного. Лохов разводят с задором, с огоньком, с выдумкой. Можно приобрести медаль. Да-да, кроме удостоверения о том, что ты член Союза писателей, будет еще медаль о том, что ты писатель. За графоманов, в общем, взялись всерьез. Просто потому, что этот рынок наводнили деньги. Потому что есть кого разводить. Пото-

му что графоманов, как я уже говорил, сейчас стало очень много.

В общем, месяца через три у меня выйдет мой роман, моя книга.

Сбывается из романа «Башия» столько всего, что мне порой делается страшно от той силы, которая может быть в слове.

Руки чешутся теперь засесть за новый роман, в котором я бы написал себя счастливым, богатым и вообще, в целом, благополучным. Только я сам понимаю, что нужны определенные условия для того, чтобы в таком романе появилась огромная энергия, которая бы или меняла реальность, или вообще создавала бы новую. А одного моего желания быть благополучным недостаточно. Маловато.

Комментариев: 37. [Комментировать эту запись.](#)

Ольга и Семен лежали в кровати.

Ольга смотрела в черное небо за окном, Семен размышлял, ложиться ли ему уже спать или распаковать ноут, что привез Бауыржан. Он посмотрел на часы – оказывается, была еще только половина десятого вечера.

– Интересно, почему боженька не заселил нам в соседи марсиан? – спросила вдруг Ольга. Из окна, которое было расположено прямо у кровати, было видно широко. Дом Севастьянова стоял у самого края дачного поселка, и потому другие дома обзора не заслоняли. Эта ночь выдалась прозрачной и звездной. Савиной показалось даже, что она различает красноватое свечение Марса.

– Потому что грызли бы друг друга, – ответил Семен. – Не исключено, что до полного уничтожения.

– Что же... – сказала Савина. – Ты думаешь, любое существо, наделенное разумом, неизбежно будет агрессивным и разрушительным?

– Думаю, что неизбежно, – ответил Кляйн. – Я бы даже сказал так: это условие выживания любого наделенного разумом существа.

Тут у Кляйна зазвонил телефон. Семен посмотрел на экран: звонили все с того же подавленного номера, что и днем. Семен немного подумал и решил поднять трубку.

– Да?

– Здравствуйте, – сказал незнакомый голос в телефоне. – Меня зовут Андрей. Я вам известен как Линкси.

– Нет, – ответил Семен. – Никакой Линкси мне не известен.

Он вспомнил СМС, которая пришла в его телефон сразу по прилету. СМС эта была также подписана «Линкси».

– Странно, – чувствовалось, что голос опечалился этому факту. – Тогда, может быть, как АЩ?

А вот уж за этими словами сразу вспомнил Кляйн длинные коридоры московского СИЗО, сокамерников, холодную баланду и высокие потолки в кабинетах следователей.

«АЩ».

Андрей Щербаков.

Тот, к кому обращался Семен за помощью, когда у него начались проблемы с «конторой». Тогда АЩ ему ничем, кажется, не помог. Хотя и было у Семена такое подозрение, что только благодаря Щербакову ему предложили альтернативу – сидеть в тюрьме на Родине или отбывать свой срок во Франции. Могли ведь ничего такого и не предложить.

– Здравствуйте, Андрей, – медленно сказал Семен.

– Когда много рабочих имен, – сказал Щербаков, – иногда возникают такие вот неловкие ситуации. Прошу прощения.

– Да ничего, – сказал Семен.

– Я не поздно звоню, у вас есть три минуты на разговор? – спросил АЩ.

– Не поздно, – ответил Кляйн. – Есть.

– Тогда перейду к делу, – сказал Щербаков. – Во французской тюрьме вы познакомились с неким Джоном Полаком.

– Я много с кем познакомился во французской тюрьме, – сказал после небольшой паузы Кляйн.

Ему не хотелось открывать никаких своих карт. Семен вообще очень плохо пока понимал, как относиться к Щербакову. По книгам этого человека Кляйн делал свои первые шаги в скрытых, потаенных для обычного пользователя пространствах интернета. Об этом человеке ходили легенды в мире хакеров. Поговаривали, что Щербаков много кого из «ломщиков» спас от тюрьмы. Именно потому Кляйн обратился тогда к АЩу. Обратился, но никакого ответа тогда от него не получил.

– Хорошо, – сказал АЩ. – В 2017-м я не мог вам помочь ничем, кроме того, чем помог. Но я понимаю, что никаких оснований доверять мне у вас нет.

Теперь для Семена стало очевидным, что без Щербакова и того обращения к нему все обернулось бы еще хуже, чем сложилось. Но вместе с тем Щербаков работал на «контору» – это Кляйну было известно доподлинно. Чего же АЩ хочет от Семена сейчас, он не понимал и даже не догадывался. Потому не нашелся что ответить.

– С вашего позволения, Семен, мы пойдем немного другим путем, – сказал Щербаков. – Вы знакомы с Кислинским, Всеволодом?

– Да, – отрицать этот факт было бессмысленно. Кислинский был «ломщиком» в девяностых. Кляйн проворачивал с Всеволодом кое-какие свои криминальные дела. Интересно, сколько Кислинскому сейчас лет? 50—55? Наверное, никак не меньше.

– Запишите, пожалуйста, его телефон, – сказал АЩ.

Он продиктовал номер, ни секунды не сомневаясь в том, что Семен его запишет. Кляйн действительно взял на подоконнике ручку и записал номер Кислинского на коробке с ноутбуком.

– Позвоните и поговорите с ним, – сказал Щербаков. – Постарайтесь выяснить у него, можно ли мне доверять. И еще умею ли я быть благодарным людям, с которыми работаю.

– Вы хотите предложить мне работу? – спросил Кельвин.

– Я хочу правильно замкнуть контуры будущего, – ответил АЩ что-то совсем уж непонятное. – А для этого мне нужны вы. То есть в некотором смысле – да. Кое-какую работу я хочу вам предложить.

– Очень интересно, – сказал Кляйн. – Но пока ничего не понятно.

– Поэтому сначала поговорите с Кислинским, Кельвин, – АЩ назвал Семена его лицейским прозвищем. Его голос, показалось Семену, стал каким-то кошачьим и вкрадчивым. – Сейчас я вам могу сказать только то, что нас интересуют не столько деньги Полака, сколько фигура самого Полака. Позвоните мне после того, как поговорите с Кислинским,

Семен. Всего вам хорошего.

– Да, до свидания, – попрощался Кляйн.

Трубка замолчала. Кляйн посмотрел на экран – АЩ уже ушел с линии. Семен выдохнул.

– Что такое? – спросила Ольга.

– Сам пока не очень-то понимаю... – в задумчивости сказал Кельвин.

– А звонил кто? – спросила Савина.

Кляйн посмотрел на Ольгу, затем встал, подошел к окну, открыл форточку. Февраль, да и вся зима в этом году были просто удивительными. Нет, на Семена не пахнуло сейчас же с улицы весной, но температура так и не опустилась в Москве за всю эту зиму меньше минус пяти. И «люты», как называют февраль в некоторых славянских языках, был на «лютый» совсем непохож. Скорее он был похож на «нежный».

Семен несколько секунд постоял у окна, собираясь с мыслями. Он думал, стоит ли говорить Савиной о деле, которое ждало его в самом ближайшем будущем.

Наконец, он решился.

Семен подумал, что надо бы с чего-то начать. Впрочем, чего тут. Начинать надо было с того, что...

Начинать надо было с того, что в тюрьме судьба свела Семена с неким Джоном Полаком – одним очень крупным французским бизнесменом.

Подробности того, за что сел Джон, были для Семена не очень ясны – вменялось ему то ли мошенничество, то ли

неуплата налогов. Полак об этом сказал лишь то, что столкнуться ему пришлось с такими игроками, которые могут посадить не почти любого, а просто любого человека – и не только во Франции. Еще Полак сообщил Кляйну, что живым бизнесмену выйти из тюрьмы не дадут.

И рассчитывал теперь Джон Полак только на побег.

Подготовленный побег – это очень большие деньги. Это люди, которые придумают, как бежать, люди, которые обеспечат техническую сторону дела, и люди, которые воплотят все это в жизнь. Это оборудование. Транспорт. Потом взятки, потом фальшивые документы, изменение внешности и прочее и прочее.

Самое интересное, что такие большие деньги, которые требовались для побега, у Полака были.

Дело было в том, что когда Полака «сажали», Джон успел «эвакуировать» из-под удара значительную часть своих капиталов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.